K9 3/94.

23/4-146
26/v188

K9 3/94

343
Центральная библиотека Н.К.П.С.
К 9 3/94

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Мнѣнія русскихъ криминалистовъ.

Сборникъ съ приложеніемъ указателя литературы на русскомъ языкѣ о смертной казни.

Москва,
Изданіе „ЗВЕНО".
1909.

МОСКВА. — 1909.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печ. и издат. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. № 18-35 и 53-95.

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

МНѢНІЯ РУССКИХЪ КРИМИНАЛИСТОВЪ.

СБОРНИКЪ

съ приложеніемъ указателя литературы на русскомъ языкѣ о смертной казни.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
№ 1001.
УПРАВЛЕНІЯ ЖЕЛ. ДОР.

МОСКВА.
Типо-литографія „РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА“ печатнаго и издательскаго дѣла.
Чист. пруды, Мыльниковъ пер., с. д. Тел.: 53.95 и 18.35.
1909.

Бѣлогрицъ-Котляревскій Л. С., Викторскій С. И., Гернетъ М. Н., Давыдовъ Н. В., Дриль Д. А., Духовской М. В., Ефимовъ Е. Н., Есиповъ В. В., Жижиленко А. А., Калмыковъ П. Д., Киселевъ А. Д., Кистяковскій А. Ф., Колоколовъ Г. Е., Кузьминъ-Караваевъ В. Д., Люблинскій П. И., Мокринскій С. П., Набоковъ В. Д., Познышевъ С. В., Полянскій Н. Н., Розинъ Н. Н., Сергѣевскій Н. Д., Синицкій Е. Д. Спасовичъ В. Д., Таганцевъ Н. С., Тауберъ Л. Я., Фельдштейнъ Г. С., Фалѣевъ Н. И. Фойницкій И. Я., Чубинскій М. П., Ширяевъ В. Н.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Настоящій «Сборникъ» издается по мысли группы лицъ изъ числа проэктировавшихъ учрежденіе въ Москвѣ «Лиги для борьбы со смертною казнью».

«Сборникъ» ставитъ своей задачею показать насколько рѣшительно и единодушно люди науки, русскіе криминалисты, осуждаютъ смертную казнь. Напечатанныя въ «Сборникѣ» мнѣнія исключительно отечественныхъ ученыхъ частью появляются впервые, частью уже были высказаны ими ранѣе въ ихъ учебникахъ, лекціяхъ, статьяхъ и спеціальныхъ монографіяхъ *). Въ тѣхъ случаяхъ, когда редакція, приступивъ къ составленію «Сборника», знала мнѣніе того или другого криминалиста о смертной казни изъ его напечатанныхъ ранѣе трудовъ, она ограничивалась перепечаткой соотвѣтствующихъ мѣстъ по собственному выбору. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мнѣніе криминалиста о смертной казни было неизвѣстно, редакція обращалась къ нему съ просьбою высказать его. Нѣкоторые изъ ученыхъ, не разъ высказывавшіеся противъ смертной казни, тѣмъ не

*) Оригинальныя статьи и замѣтки, присланныя для «Сборника», напечатаны съ подписями ихъ авторовъ. Выдержки же, взятыя редакціею изъ различныхъ работъ криминалистовъ, помѣщены безъ подписи; названіе такихъ работъ и имя авторовъ обозначено передъ началомъ каждой выдержки.

менѣе охотно прислали редакціи свои новыя статьи и замѣтки. По вполнѣ понятному чрезвычайному разнообразію тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ участники «Сборника» освѣщаютъ трактуемый вопросъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вслѣдствіе неизбѣжнаго повторенія однихъ и тѣхъ же доводовъ противъ смертной казни, редакція была затруднена расположить полученный матерьялъ въ какой либо особой системѣ по его содержанію.

Редакція приноситъ свою глубокую благодарность всѣмъ участникамъ «Сборника», а также слушательницамъ Высшихъ Женскихъ Юридическихъ и Педагогическихъ Курсовъ и студентамъ Университета въ Москвѣ за исполненіе ими различныхъ работъ по изданію «Сборника».

Противники смертной казни

въ русской криминалистической литературѣ второй половины XVIII в. и первой четверти XIX ст.

Въ 1764 г. выходитъ въ свѣтъ книга Беккаріи «О преступленіяхъ и наказаніяхъ». Неизвѣстный до этого времени итальянскій писатель пріобрѣтаетъ громкое имя, и трудъ его появляется въ многочисленныхъ переводахъ. Въ значительной степени Беккарія обязанъ былъ своимъ успѣхомъ энергичной и краснорѣчивой проповѣди противъ смертной казни. Но, сгруппировавъ рядъ доводовъ противъ этого наказанія, Беккарія не выступилъ безусловнымъ противникомъ допустимости смертной казни въ практикѣ государствъ. «Смерть какого либо гражданина, писалъ Беккарія, дѣлается необходимою, когда государство возстановляетъ или теряетъ свою свободу, или во время безначалія, когда безпорядки занимаютъ мѣсто законовъ» [1]).

Взгляды Беккаріи по вопросу о смертной казни были восприняты въ извѣстный Наказъ Екатерины II и въ ст. ст. 210 и 212 этого замѣчательнаго памятника мы находимъ почти дословное повтореніе аргументовъ великаго итальянскаго писателя. Если принципіальное осужденіе смертной казни въ Наказѣ и не нашло благопріятной почвы въ настроеніи русскаго общества второй половины XVIII ст., то оно встрѣтило сочувственный откликъ у представителей уголовно-правовой мысли страны, въ

---

[1]) Беккарія, «О преступленіяхъ и наказаніяхъ, пер. С. Заруднаго, СПБ. 1879, стр. 74.

которой еще указами императрицы Елизаветы Петровны 1753 и 1754 гг. отмѣнялась смертная казнь.

Идеи Наказа о смертной казни были восприняты нѣкоторыми писателями по вопросамъ уголовнаго права какъ бы фотографически,—съ тѣми оговорками, которыя нашли себѣ мѣсто еще у Беккаріи. Но, рядомъ съ этимъ, въ русской литературѣ XVIII в. намѣтились и другія теченія, находившія себѣ почву въ неудовлетворенности наиболѣе культурныхъ представителей общества существовавшей практикой смертной казни. Одни изъ нихъ считали насущной необходимостью бороться только противъ жестокихъ формъ смертной казни, другіе заявляли себя безусловными противниками смертной казни вообще. Въ дальнѣйшемъ мы позволимъ себѣ остановиться на этихъ оттѣнкахъ взглядовъ русскихъ криминалистовъ. Общимъ въ нихъ является то, что всѣ они исходятъ, въ большей или меньшей степени, изъ непригодности смертной казни въ ея реальномъ проявленіи служить цѣлямъ уголовнаго правосудія. Взгляды эти представляютъ для людей нашего времени не одинъ историческій интересъ. Они должны быть дороги во всѣ времена какъ свидѣтельство яснаго пониманія опасности примѣненія смертной казни въ качествѣ мѣры, имѣющей тенденцію стать обычнымъ средствомъ уголовной реакціи. Мы встрѣчаемся въ этихъ взглядахъ съ рядомъ такихъ доводовъ, которые и въ наши дни не утратили значенія аргументовъ противъ смертной казни какъ эмпирическаго средства борьбы съ преступностью, моральныя и юридическія основанія котораго не только не выдерживаютъ критики, но и цѣлесообразность котораго, при современномъ состояніи знаній, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться доказанной.

Изъ русскихъ писателей второй половины XVIII в., считавшихъ недопустимой существовавшую практику смертной казни и рекомендовавшихъ крайнюю осторожность въ ея примѣненіи, мы могли бы указать на А. А. Артемьева, автора одного изъ

первыхъ научныхъ опытовъ въ области русской юриспруденціи. Мы читаемъ въ его «Краткомъ начертаніи римскихъ и россійскихъ правъ». М. 1774, стр. 106:

«Разрушать на части и рвать живое человѣческое тѣло на куски... есть дѣло, которое человѣчество, сколько бы ни было оно раздражено на виноватаго, не можетъ терпѣть. И таковыя чинимыя казни, выходя за предѣлъ человѣчества, по истинѣ теряютъ свой успѣхъ, ...часто ожесточаютъ сердца подданныхъ, а иногда причиною бываютъ великихъ смятеній и бунтовъ...»

Принципіальныхъ противниковъ смертной казни, становящихся на точку зрѣнія взглядовъ Наказа Екатерины II, высказанныхъ въ ст. ст. 210 и 212, мы находимъ въ лицѣ выдающагося русскаго криминалиста 20-ыхъ годовъ XIX ст. Г. Солнцева, проф. казанскаго университета, и Ил. Васильева, адъюнкта московскаго университета той же эпохи. Первый проводитъ свои взгляды по этому вопросу въ «Россійскомъ уголовномъ правѣ», написанномъ имъ въ 1820 году, стр. 120 и сл. яросл. изд. 1907 г., второй же становится на защиту точки зрѣнія Наказа въ своихъ трудахъ: «О смертной казни», СПБ, 1821 и «Разсужденіе о законахъ государства россійскаго», М. 1823. Мы читаемъ въ послѣд немъ трудѣ:

«Употребленіе казней никогда не дѣлало людей лучшими...; чрезмѣрныя судныя наказанія ожесточаютъ сердца...; смерть гражданина въ обыкновенномъ состояніи общества ни полезна, ни нужна...» (стр. 63).

Но несравненно значительнѣе въ русской литературѣ соотвѣтственной эпохи число писателей, приводящихъ краснорѣчивые доводы въ пользу совершенной недопустимости смертной казни. Не претендуя на то, чтобы исчерпать списокъ всѣхъ убѣжденныхъ противниковъ этого наказанія, выступавшихъ въ нашей литературѣ, мы остановимся въ дальнѣйшемъ на краткихъ, по возможности, выпискахъ изъ относительно мало извѣстныхъ

въ широкихъ кругахъ трудовъ Лангера, Ушакова, Лопухина и адм. Мордвинова.

Проф. Московскаго университета, К. Г. Лангеръ, читавшій въ 1764—1774 гг. лекціи «естественнаго и народнаго права и политики», пишетъ въ своемъ словѣ: «О происхожденіи и свойствѣ вышняго криминальнаго суда», М. 1767, стр. 22 и слѣд.: «вожделѣнную безопасность гражданъ удобно соблюсти можно и другими наказаніями, общей пользѣ болѣе приличественными, которыми преступники не лишаются жизни... Отъ безпрестаннаго учащенія самыхъ лютыхъ казней беззаконники не токмо не устрашаются, но еще ежедневно большее число ихъ прибываетъ... Безчисленное множество примѣровъ показываетъ, что злодѣянія случались и во время самой казни».

Ѳ. В. Ушаковъ, воспитанникъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, одинъ изъ составителей рижскаго торговаго устава, посланный при Екатеринѣ II въ Лейпцигъ для обученія юриспруденціи и скончавшейся въ 1771 году, пишетъ въ своемъ трактатѣ: «Смертная казнь нужна ли и полезна ли въ государствѣ, т.-е. въ обществѣ людей, закономъ управляемомъ?»

«Дабы смертная казнь производила свое дѣйствіе нужно, чтобы преступленія были всечасны, ибо каждое примѣрное наказаніе предполагаетъ вновь сдѣланное преступленіе; желать сего есть то же, что хотѣть, чтобъ самая та же вещь была сама по себѣ купно и другая вещь въ одно время, слѣдовательно, желать противорѣчія» (стр. 41). «Смертная казнь никогда долговременнаго не производитъ впечатлѣнія и, поражая сильно и мгновенно души, бываетъ тѣмъ недѣйствительною» (стр. 42). «Со всѣми осторожностями въ сужденіи преступленія можно ошибиться и осудить невиннаго и... бываютъ случаи, когда истина едва черезъ долгое теченіе времени отверзается» (стр. 43). Смертная казнь, полагаетъ Ѳ. В. Ушаковъ, должна быть замѣнена «принужденною работою» и на вопросъ о томъ «не жесточѣе ли она самой

смерти?» отвѣчаетъ: «конечно жесточѣе въ глазахъ общества, но не для терпящаго» (стр. 47).

Ив. Влад. Лопухинъ, род. въ 1756 г. († 1816), совѣтникъ уголовной палаты съ 1782 г. и впослѣдствіи сенаторъ, облекавшійся Павломъ I обширными полномочіями, былъ выдающимся знатокомъ дѣйствующаго права и уголовнымъ судьей по призванію. Всю свою жизнь онъ не переставалъ быть противникомъ смертной казни. Мы находимъ у него, между прочимъ, слѣдующія мысли объ этомъ наказаніи:

«Она, по моему мнѣнію, ...безполезна... ...Тяжкія наказанія и заточенія, употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ... исправленія наказуемыхъ, сохраняя ихъ всегда на полезную для государства работою службу, столько же могутъ примѣромъ устрашать и удерживать отъ злодѣянія, естьли еще не больше, какъ смертная казнь...» «Могутъ сказать, что смертная казнь нужна для избавленія общества отъ такого государственнаго злодѣя, котораго жизнь опасна для общаго спокойства. Но и въ семъ рѣдкомъ и, конечно, важнѣйшемъ случаѣ, строгое заключеніе можетъ отвратить ту опасность, а время ослабляетъ и наконецъ уничтожаетъ ее...» «Одному только Творцу жизни, продолжаетъ Лопухинъ, извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка Его божественнаго строенія...» Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйств. тайн. сов. Сенат. И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ, стр. 8 и слѣд.

Адм. Мордвиновъ, занимавшій въ концѣ первой четверти прошлаго столѣтія должность Предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, писалъ о смертной казни:

«Человѣкъ, не одаренный всесовершенствомъ поступаетъ ли согласно съ правотою совѣсти своей, когда присвояетъ себѣ то право, которое единому Всесовершенному токмо Существу

принадлежитъ?.. Окованный, лишенный свободы, предаваемый смерти, по невозможности ею быть вреднымъ, не есть ли жертва безполезная и невинная... Лишеніе свободы, правъ гражданскихъ и каторжная работа составляютъ наказанія, удерживающія людей отъ преступленій болѣе, нежели смертная казнь. Воинъ идетъ на смерть, ставя грудь противъ пуль и ядеръ за малый знакъ почести въ петлицу, ...но никто... не подвергнетъ ни жизни, ни благосостоянія своего, естьли бы, наровнѣ съ смертію, каторга ему предстояла... Самоубійцы предаютъ себя смерти, но никто еще не предавалъ себя каторгѣ.

...Гдѣ часто казнятъ, тамъ день казни, для развратныхъ, бываетъ днемъ удачнаго мошенничества и не служитъ для порочныхъ исправленіемъ...» (Дополнительныя статьи къ мнѣнію адмирала Мордвинова о смертной казни, стр. 29).

Проф. Г. Фельдштейнъ.

Демидовскій лицей.

Профессоръ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія въ С.-П—бургѣ П. Д. Калмыковъ (†): Учебникъ уголовнаго права, изданный А. Любавскимъ. СПБ. 1866. 212 стр.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ наказаній смертная казнь есть наиболѣе жестокое и наименѣе справедливое, такъ какъ она исключаетъ человѣка изъ ряда живыхъ существъ и осуществляетъ собою теорію грубаго возмездія, выражаемаго формулой: око за око, зубъ за зубъ, ибо убійца въ свою очередь подвергается смерти.

Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что смертная казнь не можетъ быть оправдана никакими теоретическими и философскими соображеніями, и единственная ея основа заключается въ необходимости ея для безопасности общества. Между тѣмъ опытъ убѣждаетъ, что уголовное правосудіе въ нашемъ отечествѣ нисколько не потеряло своей карательной силы по несуществованію смертной казни въ общемъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, и что безопасность общества, вслѣдствіе этого, нисколько не поколебалась, а затѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что настанетъ время, когда смертная казнь будетъ вовсе вычеркнута и изъ нашего уголовнаго кодекса и что это общее правило не будетъ допускать исключеній для извѣстныхъ преступленій.

Спасовичъ В. Профессоръ С.-Петербургскаго Университета (†): Учебникъ уголовнаго права. Спб. 1863, 186—187 стр.

По увѣренію ея защитниковъ смертная казнь имѣетъ одно только качество хорошее, но въ такой степени, что она имъ превосходитъ всѣ другія наказанія: она весьма примѣрна, необыкновенно устрашительна, такъ что въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакого сравненія между нею и тягчяйшимъ изъ слѣдующихъ за нею наказаній — пожизненнымъ заключеніемъ. Какъ ни мрачна и безотрадна жизнь вѣчнаго узника, все-таки представленіе объ этомъ заключеніи не заставляетъ стынуть кровь въ жилахъ, не подираетъ такъ по кожѣ, какъ представленіе о смертной казни. Когда смертная казнь будетъ вычеркнута изъ ряда наказаній, то вся система уголовная пошатнется и не будетъ достаточнымъ образомъ щитить общественный порядокъ — таковъ корень, таково главное основаніе смертной казни. Я много разъ старался доказать незаконность этого терроризма, невозможность употреблять преступника какъ орудіе для производства посредствомъ его страданіи извѣстныхъ впечатлѣній на другія лица. Но сдѣлаемъ здѣсь уступку; положимъ, что можно кого-нибудь казнить ради одного только примѣра, дабы и «инымъ не было повадно такъ дѣлать», какъ выражалось соборное уложеніе 1649 г. Даже и при допущеніи этого предположенія придется призадуматься, потому что устрашительность смертной казни весьма сомнительна...

Преступленія политическія появляются всего чаще только

въ организмахъ политическихъ больныхъ и служатъ вѣрнымъ патологическимъ признакомъ невполнѣ удовлетворительнаго государственнаго устройства. Въ каждомъ народѣ есть группы, партіи, направленія; въ каждомъ народѣ идетъ нескончаемая борьба между сталкивающимися противоположными интересами; борьба этихъ партій и интересовъ составляетъ самъ процессъ жизни народной; — каждая же партія представляетъ собой извѣстную потребность, ощущаемую народными массами. Когда общество такъ устроено, что извѣстнымъ потребностямъ естественнымъ, вытекающимъ изъ природы человѣка и изъ общежитія, нѣтъ никакого удовлетворенія и выхода, тогда съ обществомъ происходитъ тоже, что съ котломъ безъ клапановъ и отверстій, который наполненъ паромъ: котелъ этотъ будетъ взорванъ силою пара.

Та партія, которая представляетъ собою извѣстную неудовлетворенную потребность, становится въ положеніе враждебное въ отношеніи къ общественному устройству; изъ нея поминутно выскакиваютъ лица, прибѣгающія къ насилію для разрушенія несноснаго для нея порядка вещей. Общественная власть, видя въ нихъ смертельныхъ враговъ, казнитъ ихъ по обезоруженіи смертью, дабы запугать остальныхъ, причемъ она ошибается: потому что собственно въ казнимыхъ лицахъ она думаетъ и хочетъ поразить ту идею, которую они представляютъ. Но извѣстно, что идея неосязаема. Корень будущихъ преступленій останется по снесеніи съ плечъ той или другой буйной головы; этотъ корень будетъ пускать изъ себя все новые и новые побѣги.

Кистяковскій, А. Ф. Профессоръ Кіевскаго Университета (†): Изслѣдованіе о смертной казни. Спб. 1896. 2-е изд.

Противники смертной казни говорятъ, что жизнь человѣческая есть благо не нарушаемое и неотчуждаемое, поэтому смертная казнь несправедлива. Внимательная оцѣнка изложенныхъ доказательствъ противъ и за приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ... Если ученіе о ненарушимости жизни человѣческой не подтверждается ни прошедшею, ни настоящею жизнію народовъ, это еще не означаетъ, чтобы оно было противно природѣ человѣка и слѣдовательно неосуществимо. Напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ оно явилось на свѣтъ Божій, оно имѣетъ уже свою, хотя и скудную, исторію. Выше было сказано, что оно вызвано было новыми потребностями, совершенно противными тѣмъ, которыя поддерживали такую низкую цѣну на жизнь человѣческую. Съ тѣхъ поръ уваженіе къ жизни человѣческой значительно возросло, а вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпнетъ надежда на возможность осуществленія въ системѣ наказаній ученія о ненарушимости жизни человѣческой. Подтвержденіемъ всему этому служитъ постепенное изгнаніе, въ теченіе послѣднихъ полутораста лѣтъ, смертной казни изъ европейскихъ и американскихъ кодексовъ, громадное уменьшеніе въ дѣйствительности количества смертныхъ экзекуцій въ Европѣ и Америкѣ, все болѣе и болѣе возрастающее нерасположеніе европейскаго человѣка къ отнятію жизни у

преступниковъ. Если въ жизни народовъ есть движеніе впередъ то нѣтъ сомнѣнія, что идя тѣмъ путемъ, которымъ они до сихъ поръ шли, они дойдутъ до полнаго изгнанія смертной казни и вмѣстѣ съ тѣмъ до признанія ненарушимости жизни человѣческой даже въ лицѣ преступника. Этого-то не хотятъ замѣчать защитники смертной казни. Съ ними можетъ случится то же самое, что съ ихъ противниками: тѣ, увлекшись идеалами будущаго, забыли все прошедшее и построили зданіе на воздухѣ; эти, устремляя свои взоры только въ прошедшее, могутъ потерять подъ собою почву настоящаго, которое, что шагъ впередъ, то оказываетъ больше уваженія къ жизни человѣческой.

Сравненіе общества, карающаго смертною казнію убійцу, съ частнымъ человѣкомъ, убивающимъ того, который на него нападаетъ, есть сравненіе фальшивое, натянутое и невѣрное. Общество въ отношеніи къ преступнику находится совершенно въ другомъ положеніи, чѣмъ лицо, подвергшееся нападенію въ отношеніи къ нападающему. Если это лицо не убьетъ своего противника, оно само можетъ лишиться жизни; оно поставлено въ такое крутое положеніе, въ которомъ убійство есть единственный исходъ для сохраненія собственной жизни. Если бы даже былъ другой идеальный исходъ, время такъ коротко, подвергшійся нападенію находится въ такомъ ненормальнымъ положеніи, что ему разсуждать некогда, и остается единственное спасеніе убить своего противника. Не такъ поставлено современное государство къ преступнику, и въ частности къ убійцѣ. Преступникъ, какъ бы тяжко ни было его преступленіе, слишкомъ слабъ и ничтоженъ по своимъ силамъ въ сравненіи съ государствомъ; захваченный преступникъ уже не опасенъ государству; самое преступленіе, какъ бы тяжко оно ни было, будучи исключительнымъ явленіемъ въ нормальной общественной жизни, не ставитъ въ опасность существованія государства. Какъ поступить съ преступникомъ, какими способами сдѣлать его безвред-

нымъ на будущее время,—для рѣшенія этого вопроса государство имѣетъ и время, и независимость духа; совершенно въ его власти, не прибѣгая къ крайнему средству—смертной казни—ограничиться отнятіемъ у преступника свободы. Возраженіе, что лишенный свободы убійца можетъ убѣжать и совершить новыя убійства, лишено серьезнаго основанія. Большинство самыхъ тяжкихъ преступниковъ, особенно убійцъ, совершаютъ преступленіе не по ремеслу, а въ минуту данной настроенности, подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, такъ что для совершенія новаго подобнаго преступленія нужно предположить возобновленіе того и другого, а это въ большинствѣ случаевъ дѣло немыслимое; подобные преступники, по совершеніи преступленія, не рѣдко приходятъ къ сознанію тяжести своего преступленія. Притомъ же отъ государства зависитъ сдѣлать тяжкихъ преступниковъ совершенно безвредными, посредствомъ строгаго содержанія ихъ въ такихъ тюрьмахъ, изъ которыхъ бы они не въ состояніи были уйти.

Считаютъ смертную казнь необходимою для защиты порядка нравственнаго. Но почему—только смертная казнь можетъ защищать этотъ порядокъ, а не тяжкое тюремное заключеніе? Очевидно на этотъ вопросъ не можетъ быть спеціальнаго отвѣта, а развѣ общія фразы или ссылка на то, что такъ принято, такъ всегда считалось. Если подъ нравственнымъ порядкомъ разумѣть извѣстный строй общественный, то очевидно, что наказаніе вообще и безъ смертной казни, на ряду съ многими другими общественными учрежденіями, дѣйствительно способствуетъ защитѣ этого порядка. Но если подъ нравственнымъ порядкомъ разумѣть собственно убѣжденія, ту внутреннюю дѣятельность человѣка, которая незрима для глаза, но которая составляетъ источникъ дѣятельности, то здѣсь смертная казнь и безсильна, и ненужна, и даже опасна. Безсильна, какъ всякое грубое физическое средство, неспособное развить добрыя мысли и честныя побужденія;

наказаніе только тогда можетъ быть мѣрою, способствующею утвержденію указаннаго нравственнаго порядка, когда въ него дѣйствительно внесены извѣстныя качества—для достиженія этого,—что хотятъ сдѣлать изъ тюремнаго заключенія. Ненужна, потому что главная нравственная сила государства заключается въ здоровой части общества, которая и служитъ хранителемъ нравственныхъ убѣжденій и главною опорою общественной жизни. Нравственныя убѣжденія этой части общества—живутъ и крѣпнутъ помимо не только жестокихъ казней, но и всякихъ наказаній. Странно строить силу нравственнаго порядка на казняхъ и преступникахъ; на этомъ фунтаментѣ не можетъ существовать ни одно общество. Опасна смертная казнь для защиты нравственнаго порядка потому, что для этой цѣли опасно употреблять вообще наказаніе: не напрасно современная наука права проводитъ твердую границу между правомъ и нравственностью, занимаясь исключительно первымъ и предоставляя вторую на долю другихъ отраслей общественной дѣятельности.

Итакъ, смертная казнь не необходима для безопасности государства. Но, можетъ быть, казнь преступника полезна въ томъ отношеніи, что она воздерживаетъ отъ преступленіи другихъ, будущихъ преступниковъ; можетъ быть, лишеніе жизни одного виновнаго сохраняетъ жизнь многимъ невиннымъ?

II. Противники смертной казни положительно утверждаютъ, что смертная казнь не устрашаетъ и не удерживаетъ людей, наклонныхъ къ тяжкимъ преступленіямъ.

Оцѣнка доводовъ за и противъ устрашимости смертной казни приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

а) Повидимому нѣтъ ничего нагляднѣе, проще и очевиднѣе, какъ устрашимость смертной казни. Человѣкъ чувствуетъ ужасъ при одномъ мысленномъ представленіи этого наказанія. Наблюденія надъ осужденными, за немногими исключеніями, также

подтверждаютъ, что эта казнь производитъ страхъ и ужасъ на душу человѣка. И однакожъ, эта очевидность похожа на ту, которая удостовѣряетъ насъ, что солнце ходитъ вокругъ земли: первобытная вѣра въ устрашимость смертной казни столько же достовѣрна, какъ убѣжденіе простого человѣка, что солнце идетъ съ востока на западъ. Съ прошедшаго столѣтія стали замѣчать, что разнообразные виды смертной казни нисколько не способствуютъ уменьшенію тажкихъ преступленій; это—первое возникновеніе сомнѣній касательно устрашимости смертной казни. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не усомниться въ силѣ смертной казни, если послѣ столькихъ столѣтій ея примѣненія въ самыхъ ужасныхъ и изысканныхъ формахъ, преступленіе съ своей стороны ничего не потеряло ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Но выводъ этотъ въ то время имѣлъ за себя недостаточныя и одностороннія доказательства. Преступленія не уменьшаются, когда преступниковъ караютъ самыми жестокими казнями: но кто поручится, что число ихъ не увеличится, когда отмѣнятъ эти казни? Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ послѣдующими перемѣнами въ области уголовнаго законодательства. Уничтоженіе во всѣхъ европейскихъ кодексахъ квалифицированной смертной казни, отмѣна ея за большую часть преступленій, рѣдкость исполненія смертныхъ приговоровъ, наконецъ, полное изгнаніе ея изъ кодексовъ нѣкоторыхъ государствъ, всѣ эти важныя перемѣны отнюдь не сопровождались ни увеличеніемъ тяжкихъ преступленій, ни уменьшеніемъ общественной и частной безопасности. Такимъ образомъ, къ прежнимъ опытамъ, доказывавшимъ, что смертная казнь въ самыхъ даже жестокихъ формахъ не способствуетъ уменьшенію казней, прибавились новые, подтверждающіе, что отмѣна ея не имѣетъ никакого вліянія на увеличеніе преступленій. Уже въ прошедшемъ столѣтіи, убѣжденіе, что смертная казнь не устрашаетъ, шло рука объ руку съ возникавшимъ тогда мнѣніемъ о томъ, что коли-

чество преступленій не есть случайное явленіе, а результатъ болѣе или менѣе постоянныхъ, болѣе или менѣе неизбѣжныхъ причинъ, скрывающихся какъ въ природѣ человѣка, такъ и въ природѣ обществъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Кетле, Гери и Вагнеръ самыми неопровержимыми статистическими цыфрами подтвердили эту истину, и такимъ образомъ нанесли окончательный ударъ теоріи устрашенія вообще и устрашимости смертной казни въ частности.

б) Эти научные опыты какъ будто не существуютъ для защитниковъ смертной казни. Одни изъ защитниковъ продолжаютъ отстаивать смертную казнь, ради ея спеціальной устрашимости единственно потому, что имъ не знакомы ни исторія смертной казни за послѣднія сто лѣтъ, ни статистическія работы новѣйшаго времени. Другіе, болѣе знакомые съ новѣйшими наблюденіями надъ дѣйствіемъ смертной казни, не могутъ не признать ихъ значенія; но по старой вѣрѣ въ силу смертной казни и по особенному взгляду на уголовную статистику, хотятъ примирить новое со старымъ, отдѣлываясь такою голословною фразою: если смертная казнь не удерживаетъ отъ преступленій всѣхъ, къ нимъ склонныхъ, то все-таки она удерживаетъ многихъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ. Эта фраза давно пущена въ обращеніе и сдѣлалась у всѣхъ защитниковъ общимъ мѣстомъ; лѣтъ тридцать тому назадъ, когда Миттермайеръ стоялъ въ противоположномъ лагерѣ, онъ любилъ повторять эту фразу. Защитники смертной казни, которые твердятъ объ устрашимости смертной казни, на основаніи разныхъ проявленій между людьми страха предъ этимъ наказаніемъ, похожи на того человѣка, который, несмотря на научные доводы объ обращеніи земли вокругъ солнца, все-таки твердитъ: не земля, а солнце ходитъ вокругъ земли, меня въ этомъ убѣждаютъ собственные мои глаза...

г) Защитники смертной казни готовы навязать своимъ противникамъ намѣренное или ненамѣренное стремленіе доводами

противъ дѣйствительности и полезности смертной казни подорвать необходимость и пользу другихъ наказаній. Поводъ къ этому подаютъ отчасти тѣ изъ противниковъ смертной казни, которые, отвергая устрашительность смертной казни, признаютъ однакожъ это качество за другими наказаніями; такимъ образомъ защитникамъ не стоитъ большого труда, примѣнивъ аргументы своихъ противниковъ противъ смертной казни къ другимъ наказаніямъ, доказывать, что эти аргументы подрываютъ основаніе вообще всѣхъ наказаній. Но дѣло въ томъ, что какъ смертная казнь, такъ, очевидно, и другія наказанія не имѣютъ той устрашительной силы, чтобы удерживать отъ преступленій другихъ; и тѣ противники смертной казни, которые доказываютъ безсиліе страха смертной казни и силу страха другихъ наказаній, сами себѣ противорѣчатъ и продрываютъ силу собственныхъ доводовъ. Но отрицаніе устрашимости наказаній не есть отрицаніе вообще наказаній. Наказанія необходимы и полезны и помимо устрашительной и сдерживающей силы, которую имъ прежде приписывали, но которая при болѣе глубокомъ изученіи дѣла оказалась не существующею: они полезны тѣмъ, что они отнимаютъ возможность у самаго преступника дѣлать преступленіе и причинять вредъ обществу; они отнимаютъ или физическую, или нравственную возможность вредить. Если, правда, на дѣлѣ наказанія не всегда способствуютъ возрожденію въ преступникѣ нравственной невозможности дѣлать преступленіе, и даже производятъ обратное дѣйствіе, то это зависитъ отъ дурной организаціи тюремъ, а не отъ самаго наказанія. Всѣ стремленія современныхъ обществъ направлены въ дѣлѣ наказаній къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе нравственнаго перерожденія; если эти стремленія не имѣли вполнѣ удачныхъ результатовъ, то это еще не значитъ, чтобы они были неосуществимы.

Изъ изложеннаго слѣдуетъ второе положеніе относительно смертной казни: это наказаніе не только не необходимо для

общественной безопасности, но оно и не содѣйствуетъ охраненію жизни отдѣльныхъ гражданъ.

III. Смертная казнь не только безполезна, но она еще приноситъ положительный вредъ, говорятъ противники...

Изъ сопоставленія доводовъ противниковъ смертной казни съ возраженіями на нихъ защитниковъ можно вывести слѣдующія заключенія:

а) и тѣ, и другіе признаютъ зловредное вліяніе исполненія смертныхъ казней; вся разница между ними въ признаніи большей или меньшей степени зловредности. Но если неопровержимо, что смертная казнь ни одного тяжкаго преступленія не предупредила, если ея защитники признаютъ вредное ея вліяніе на нравственность народа, что же остается за этимъ наказаніемъ такого, что бы могло говорить за его сохраненіе?

б) Тѣ защитники смертной казни, которые настолько безпристрастны, что не могутъ отвергнуть фактовъ ея вреднаго вліянія на народъ, думаютъ очистить это наказаніе отъ этого вліянія, скрывъ исполненіе его отъ глазъ публики. Но съ допущеніемъ этой мѣры, что остается полезнаго отъ смертной казни для общества? Если стать на точку зрѣнія защитниковъ смертной казни, то-есть допустить, что она устрашаетъ, то естественное дѣло, что главная устрашительная сила ея заключается въ ея публичности, въ ея обстановкѣ, въ томъ, что она прямо и непосредственно дѣйствуетъ на зрителей. Ни одинъ изъ защитниковъ не можетъ съ своей точки зрѣнія отвергнуть того факта, что на человѣка неизмѣримо сильнѣе дѣйствуетъ то, что совершается предъ его глазами, чѣмъ то, о чемъ ему разсказываютъ, что онъ мысленно только себѣ предполагаетъ. Итакъ, очевидно, защитники смертной казни, перенося ея исполненіе въ стѣны тюрьмы, съ своей точки зрѣнія отнимаютъ, хотя и не

хотятъ въ томъ признаться, главную силу у этого наказанія; этимъ они подкапываютъ главный фундаментъ своихъ доказательствъ и признаютъ фактически, не сознаваясь въ томъ, несостоятельность смертной казни. Напрасно они силятся доказать, что звонъ колоколовъ, во время исполненія смертной казни можетъ напоминать народу о казни и производить спасительный страхъ: это ничѣмъ не доказанныя фразы; если, по убѣжденію самихъ же защитниковъ смертныхъ казней, даже публичное исполненіе ихъ только нѣкоторыхъ, а не всѣхъ, удерживало отъ преступленій, чего же можно ждать отъ казней скрыто—совершаемыхъ?

в) Скрытое исполненіе смертныхъ казней дѣйствительно отнимаетъ у казни значительную долю ея зловреднаго вліянія: но только извѣстную долю, не дѣлая ее однакожъ полезною. Взамѣнъ этого оно неразлучно съ такими недостатками, которые ему одному свойственны. Уже и публичное исполненіе казней, совершаемое съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ, методически, по всѣмъ правиламъ искусства, предоставляетъ нѣчто противорѣчащее тѣмъ правиламъ человѣчности, которыхъ, повидимому, хотѣли бы въ настоящее время держаться; съ этой стороны справедливо нѣкоторые считаютъ смертную казнь неизмѣримо ужаснѣе большинства видовъ убійства, которыя совершаются въ страсти, въ припадкѣ увлеченія. Но въ публичности есть еще остатокъ той прямоты и рѣшительности, безъ которыхъ никакое общественное учрежденіе не можетъ быть прочно и полезно. Закрытое совершеніе казней лишено и этого послѣдняго качества; оно представляетъ видъ какого-то коварства, нѣчто, изысканно жестокое, что можетъ быть исполнено только въ застѣнкѣ, чего нельзя показать добрымъ гражданамъ; поэтому оно еще болѣе противно чувствамъ и убѣжденіямъ мыслящихъ людей. Оно напоминаетъ тѣ средневѣковыя времена, когда нерѣдко прибѣгали къ тайнымъ казнямъ, изъ боязни стать въ

противорѣчіе съ общественнымъ мнѣніемъ относительно казнимаго. Поэтому, не безъ основанія, народы, привыкшіе къ гласности общественныхъ дѣлъ, боятся злоупотребленій закрытаго совершенія казней. Допустить одного палача и тюремщика распорядиться съ жизнію осужденнаго, значило бы отнять у смертной казни даже послѣднюю наружную обстановку наказанія; поэтому, защитники скрытаго совершенія казней требутъ присутствія при этомъ кровавомъ актѣ извѣстныхъ почтенныхъ лицъ, какъ-то: прокуроровъ, судей, выбранныхъ отъ общества. Тутъ одно изъ двухъ: или законодатель долженъ допустить полную свободу для чиновниковъ и гражданъ отстранять отъ себя подобное назначеніе и такимъ образомъ долженъ наталкиваться и терпѣть постоянный молчаливый протестъ противъ закона, допускающаго смертную казнь; или же, признавъ присутствіе при закрытыхъ казняхъ непремѣнною обязанностію для каждаго назначеннаго или избраннаго, наложить на многихъ чиновниковъ и гражданъ обязанность, невыносимую для нихъ и вредную для ихъ физическаго и душевнаго здоровья. Справедливы или нѣтъ упреки, дѣлаемые нашему времени, въ слабодушіи и сантиментальности—это другой вопросъ. Но фактъ несомнѣнный, что даже тѣ, которые произносятъ приговоръ, не всѣ въ состояніи присутствовать при его исполненіи, подобно тому, какъ судья не согласится быть исполнителемъ имъ же назначеннаго наказанія. «Вы утверждаете, говоритъ Дюкпетьё, что законъ (осуждающій на смерть) справедливъ, необходимъ, нравственененъ; хорошо. Я васъ спрошу: если вы не имѣете человѣка, который бы казнилъ нарушителей этого закона, согласитесь ли вы сами нанести роковой ударъ? Предложите судьямъ, привыкшимъ произносить смертные приговоры, сопровождать осужденнаго на гильотину или висѣлицу, опускать ножъ гильотины или привязывать веревку; они отступятся отъ этого съ ужасомъ и негодованіемъ. Отчего? Вѣдь законъ необходимъ, нравственененъ,

обязателенъ; осужденный вѣдь виноватъ; совѣсть была спокойна, произнося приговоръ; откуда же происходитъ то, что она приходитъ въ тревогу, возмущается, когда ей предлагаютъ исполнить собственный приговоръ».

IV. Смертная казнь неразлучна съ ошибками, которыхъ человѣкъ не въ силахъ даже сколько-нибудь исправить...

Изъ сопоставленія доводовъ, выводимыхъ изъ судебныхъ ошибокъ за и противъ смертной казни, открывается: главная сила тѣхъ и другихъ заключается не въ нихъ самихъ только, но въ связи ихъ съ предыдущими доводами. Доказано, что смертная казнь не устрашаетъ и не удерживаетъ отъ преступленій, что для дѣтей слабоумныхъ и испорченныхъ она служитъ плохимъ примѣромъ, что она деморализируетъ народъ,—тогда казни невинныхъ—новое сильное доказательство противъ смертной казни. И наоборотъ: если бы до сихъ поръ не была поколеблена полезность смертной казни, если бы неопровержимыми опытами было доказано, что безъ нея не было бы возможно правосудіе, существованіе и развитіе обществъ,—казни невинныхъ были бы меньшимъ зломъ, которое, какъ и многія другія зла, общества обречены терпѣть для избѣжанія золъ большихъ. А такъ какъ перевѣсъ доказательствъ на сторонѣ безполезности и ненужности смертной казни, такъ какъ опытомъ доказано, что правосудіе и благоденствіе совершенно возможны и безъ смертной казни, то очевидно, что казни невинныхъ представляютъ новую значительную доказательную силу противъ смертной казни.

V. Смертная казнь отнимаетъ у преступника возможность исправленія...

И противники и защитники равно признаютъ исправленіе преступника дѣломъ не безразличнымъ. Только первые придаютъ ему несравненно большую важность, чѣмъ вторые, и поэтому желаютъ, чтобы для исправленія преступника были упо-

треблены всѣ средства, чтобы это исправленіе было дѣятельное и испытанное долговременнымъ опытомъ, не только религіозное, но и житейское, выражающееся въ честной и трудолюбивой жизни. Вторые довольствуются только религіознымъ, моментальнымъ и болѣе или менѣе формальнымъ раскаяніемъ, и не считаютъ нужнымъ употреблять особенныя усилія для исправленія преступника. Защитники смертной казни, относительно исправленія преступника, похожи на того англійскаго пастора, который совѣтовалъ казнить доведеннаго имъ до раскаянія осужденнаго, чтобы отнять у него возможность возвратиться къ преступнымъ мыслямъ. Самое раскаяніе, которымъ довольствуются защитники смертной казни, не можетъ имѣть большого значенія; осужденные находятся въ такомъ разстройствѣ душевныхъ силъ, что они не въ состояніи поступать сознательно и, будучи объяты ужасомъ и страхомъ, дѣлаютъ все большею частію машинально, полусознательно. Самые способы, которые употребляются для приведенія осужденнаго къ раскаянію, не всегда могутъ быть одобрены.

Въ Англіи, по свидѣтельству одного писателя, какъ только дѣлается извѣстнымъ, что осужденный долженъ быть казненъ, духовные всѣхъ сектъ спѣшатъ въ тюрьму и начинаютъ мучить осужденнаго; по его же словамъ, приводимые примѣры раскаянія осужденныхъ мало стоятъ довѣрія. Сравненія положенія жертвующаго своею жизнію для благихъ цѣлей съ положеніемъ преступника есть сравненіе натянутое и фальшивое. Жертвующій своей жизнію дѣлаетъ хорошее дѣло въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ всепрощеніе, если бы его совѣсть была обременена какими-нибудь дурными дѣлами.

Развѣ въ такомъ нравственномъ положеніи находится преступникъ, когда у него отнимаютъ жизнь посредствомъ казни? Нельзя не замѣтить, что доводы защитниковъ смертной казни относительно раскаянія и исправленія, главнымъ образомъ, осно-

ваны на той же необходимости этого наказанія: необходимость смертной казни, по ихъ мнѣнію, гораздо важнѣе, чѣмъ допускемая ими необходимость исправленія преступника. Но необходимость смертной казни есть субъективное мнѣніе, которое не подтверждается объективными доказательствами; поэтому необходимость исправленія получаетъ самостоятельное значеніе и особенную важность, — за что собственно и стоятъ противники смертной казни.

Одно изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ, которое приводятъ въ пользу смертной казни ея защитники,—это—голосъ народа, его юридическія убѣжденія, его совѣсть.

Это ли виды примиренія съ Богомъ, обществомъ и самимъ собою? Это ли раскаяніе и искупленіе вины?

Сопоставляя эти доводы и возраженія противъ нихъ можно притти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

а) До сихъ поръ въ извѣстной части народа живутъ, хотя и въ обломкахъ, тѣ стародавнія, первобытныя воззрѣнія на преступленія и наказанія, которымъ обязана своимъ происхожденіемъ смертная казнь: по этимъ воззрѣніямъ преступленіе есть личное оскорбленіе, а наказаніе—грубая и ничѣмъ несдержанная кровавая месть; позже воззрѣнія эти нѣсколько видоизмѣняются и принимаютъ религіозный оттѣнокъ. По этимъ видоизмѣненнымъ религіознымъ воззрѣніямъ, за которыми въ сущности скрывались воззрѣнія грубой мести, преступленіе есть оскорбленіе божества, а наказаніе — примиреніе съ Богомъ, очищеніе отъ преступленія, искупленіе вины, удовлетвореніи правосудія. Это въ сущности только апотеоза прежнихъ воззрѣній: какъ тамъ, такъ и здѣсь въ преступленіи главное—не объективный вредъ, а субъективное оскорбленіи, въ наказаніи, — не соотвѣтствіе съ тяжестію войны, а удовлетвореніе или чувству человѣческаго мщенія, или скрывавшему его понятію божественнаго мщенія.—Господство частнаго мщенія и мщенія за оскорб-

ленное божество, въ видѣ воздаянія равное за равное, искупленіе вины, умилостивленія, очищенія, собственно прошло. Преобладаніе получили другія воззрѣнія. Но обломки этихъ воззрѣній остаются, въ видѣ тѣхъ, явленій, на которыя указываютъ защитники смертной казни, какъ на доказательство необходимости ея. Къ этимъ обломкамъ принадлежатъ: любовь массы къ зрѣлищамъ казни, неудовольствіе ея, когда лишаютъ ее этого зрѣлища, вопреки ея ожиданіямъ, собственная ея расправа съ помилованнымъ и неказненнымъ преступникомъ, вообще, весь тотъ цинизмъ ея поведенія, который она проявляетъ въ эту слишкомъ тяжелую минуту общественной жизни. Обломки этихъ народныхъ воззрѣній имѣютъ свою теорію и свою философію. Сюда должно отнести теорію тѣхъ новѣйшихъ писателей, которые считаютъ смертную казнь необходимою, какъ возмездіе, какъ удовлетвореніе равное за равное, какъ искупленіе вины, или какъ очищеніе нравственнаго зла; сюда же должно отнести и теорію Канта, который считалъ смертную казнь до того необходимою и до того обязательною для общества, что оно должно сегодня казнить убійцу, если бы ему завтра предстояло разойтись. Всѣ эти теоріи есть новое исправленное и дополненное изданіе упомянутыхъ старо-давнихъ народныхъ воззрѣній на преступленіе и наказаніе, хотя онѣ открываютъ свое происхожденіе и даже, считая себѣ за стыдъ подобное родство, воображаютъ, что онѣ новѣйшаго происхожденія. Такимъ образомъ защитники смертной казни, ссылающіеся на юридическія воззрѣнія народа, были бы совершенно правы, еслибы европейскую теорію подвинуть на тысячу лѣтъ назадъ, или еслибы она начала возвращаться туда, откуда она вышла.

б) Особенно страннымъ представляется то, что защитники смертной казни въ этомъ случаѣ опираются на воззрѣнія народныя, не давши себѣ труда понять ихъ сущность. Отчего тѣ же защитники не прибѣгаютъ къ воззрѣніямъ народнымъ, для

разрѣшенія другихъ, первой важности государственныхъ, общественныхъ и научныхъ вопросовъ, напр., вопроса о податяхъ, о поземельной собственности, о кредитѣ, о солнцѣ, землѣ и т. д. Отчего, напримѣръ, они же не считаютъ необходимымъ преслѣдовать вѣдьмъ, въ которыхъ народъ такъ еще крѣпко вѣритъ, и которыхъ онъ непрочь преслѣдовать судомъ? Съ воззрѣніями народными необходимо во многихъ случаяхъ соображаться; это не мѣшало бы твердо помнить и нѣкоторымъ защитникамъ смертной казни; но соображаться съ ними безъ разбору, только потому, что они народныя — значило бы иногда обречь всѣ успѣхи цивилизаціи на совершенную погибель.

в) Защатникамъ смертной казни, опирающимся на народное воззрѣніе, слѣдовало бы идти далѣе по этому пути и приводить въ доказательство того, что народъ требуетъ смертной казни, всѣ тѣ грубыя, циническія сцены, которыя случаются во время казней, всѣ шутки, всѣ безнравственныя выходки въ это время толпы, все ея равнодушіе къ нравственной сторонѣ казней и всю ея жадность созерцать грубую, нечеловѣческую ихъ сторону. Вѣдь во всемъ этомъ толпа, если не прямо, то косвенно выражаетъ одобреніе пролитію человѣческой крови. Впрочемъ, если ближе всмотрѣться въ тѣ факты изъ народной жизни, которые они приводятъ за смертную казнь, то они близко и къ только что приведеннымъ.

Итакъ, смертная казнь не только не содѣйствуетъ общественной безопасности, не только не воздерживаетъ отъ преступленій, но имѣетъ положительно дурныя стороны, которыя чужды всѣмъ другимъ наказаніямъ. Единственныя преимущества ея въ глазахъ народовъ состоятъ въ томъ, что она очень простое, дешевое и не головоломное наказаніе. Чтобы человѣка держать въ тюрьмѣ, чтобы переломать его порочную натуру и сдѣлать его полезнымъ, или по крайней мѣрѣ безопаснымъ членомъ общества, для этого требуются значительныя издержки,

большое терпѣніе и настоящее гражданское мужество не подчиняющееся вліянію болѣе или менѣе временныхъ тревогъ, а умѣщее побороть душевную опасность. Тогда какъ смертная казнь, не требуя ни долгаго времени, ни издержекъ, ни особенныхъ трудовъ, однимъ разомъ и навсегда отнимаетъ у преступника возвожность вредить, и тѣмъ гарантируетъ и эгоизмъ человѣческій отъ мнимыхъ и дѣйствительныхъ опасностей. Защитники смертной казни старательно маскируютъ указанную причину привязанности народовъ къ смертной казни, давая ей болѣе возвышенное объясненіе. Но тѣмъ не менѣе эта причина много способствуетъ сохраненію смертной казни въ числѣ наказаній, что иногда болѣе откровенные защитники ея и высказываютъ; такъ въ 1864 г., въ англійскомъ парламентѣ извѣстный Робукъ отстаивалъ смертную казнь какъ болѣе дешевое средство поставить преступника въ невозможность вредить обществу. Насколько законенъ, одобрителенъ и устойчивъ подобный эгоизмъ—это другой вопросъ.

Профессоръ Московскаго университета Г. Е. Колоколовъ († 1909): Уголовное право. Литогр. лек. 1899 — 900 гг. 567—568 стр.

Въ теоретической литературѣ было много попытокъ доказать необходимость смертной казни, но ни одна изъ нихъ не выдерживаетъ и слабой критики. Наиболѣе ревностными ея защитниками являются сторонники абсолютныхъ теорій Канта и Гегеля. Смертная казнь необходима, по ихъ мнѣнію, потому, что для нѣкоторыхъ наиболѣе тяжкихъ преступленій, невозможно найти другого эквивалента. Но такіе доводы могутъ быть убѣдительны только для того, кто смотритъ на наказаніе, какъ на осуществленіе абсолютной справедливости. Съ раціональной точки зрѣнія весь вопросъ долженъ сводиться къ тому: необходима ли смертная казнь для устраненія частной мести или для общаго и частнаго предупрежденія преступленій. Какъ бы ни было драгоцѣнно благо, разрушаемое преступленіемъ, чувство возмездія, возникающее въ потерпѣвшемъ, при современномъ состояніи культуры можетъ быть достаточно удовлетворено другими средствами, кромѣ смертной казни. Ясно, поэтому, что послѣдняя не составляетъ необходимаго условія для ограниченія мести — самоуправства. Далѣе, устрашающее дѣйствіе уголовной угрозы зависитъ главнымъ образомъ не отъ жестокости наказанія, а отъ его неизбѣжности; статистическія таблицы убѣж-

дают̀ъ насъ въ томъ, что ни ограниченіе сферы примѣненія смертной казни, ни полное ея уничтоженіе никогда не влекли за собой увеличенія числа преступленій. Затѣмъ, данныя опыта доказываютъ, что неисправимыхъ преступниковъ нѣтъ, а если это такъ, то предупрежденіе рецидива всегда можетъ быть достигнуто посредствомъ исправительныхъ наказаній. Но если даже допустить, что въ извѣстныхъ случаяхъ можно быть вполнѣ убѣжденнымъ въ неисправимости преступника, то для предупрежденія рецидива вполнѣ достаточно такихъ мѣръ, какъ пожизненное тюремное заключеніе. Въ доказательство нераціональности смертной казни можно привести еще и другія чрезвычайно вѣрныя соображенія. Такъ, она не удовлетворяетъ ни одному изъ услòвій, требуемыхъ отъ наказанія вообще.

Профессоръ. Кіевскаго университета Л. С. Бѣлогриць-Котляревскій (†): Учебникъ русскаго уголовнаго права. Кіевъ, 1903, стр. 257.

«Смертная казнь недѣлима, неотмѣнима и невознаградима..; смертная казнь антикультурна... Она антикультурна, потому что оказываетъ деморализующее вліяніе на народъ. Опытъ показываетъ, что смертная казнь весьма вредно дѣйствуетъ на толпу, являясь, съ одной стороны, наглядным примѣромъ кровопролитія, освященнаго закономъ, примѣромъ, весьма опаснымъ для необразованнаго человѣка, склоннаго къ подражанію, а съ другой, служа предлогомъ для грубыхъ выходокъ и циническихъ шутокъ; все это, вмѣстѣ взятое, превращаетъ зрѣлище смертной казни въ школу грубости и звѣрства».

Н. Д. Сергѣевскій. Профессоръ С.-Петербургскаго университета (†): Русское уголовное право *).

Вопросъ о смертной казни, какъ извѣстно, представляется въ литературѣ спорнымъ. Мало того, за послѣдніе годы число защитниковъ этого наказанія, можно сказать, даже увеличилось**). Первый доводъ защитниковъ смертной казни есть тотъ что смертная казнь служить средствомъ обезпеченія общества отъ преступниковъ. Дѣйствительно, казненный преступникъ во второй разъ, очевидно, не можетъ совершить преступнаго дѣянія; общество отъ него обезпечено несомнѣнно. Но вѣдь пожизненное заключеніе тоже есть средство обезпеченія; долгосрочное—въ значительной степени точно такъ же, такъ какъ едва ли можно предположить, чтобы преступникъ, вышедшій изъ тюрьмы послѣ долгихъ лѣтъ заключенія старикомъ, не измѣнился, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы не совершать новыхъ преступныхъ дѣяній.

[Но возражаютъ, никакія тюрьмы не могутъ служить гарантіей отъ побѣговъ и вслѣдствіе этого отъ новаго совершенія преступ-

---

*) Подъ вліяніемъ своихъ политическихъ взглядовъ проф. Сергѣевскій внесъ въ свое послѣднее изданіе учебника нѣкоторыя измѣненія, нелишенныя интереса. Мы сочли полезнымъ отмѣтить эти измѣненія въ настоящемъ сборникѣ. Вновь вставленныя авторомъ фразы помѣщены въ сноскахъ, а выпущенныя имъ фразы, неперепечатанныя въ новомъ изданіи, поставлены нами въ скобкахъ. *Примѣчаніе редакціи.*

**) Но нельзя не признать, что всѣ доводы какъ за, такъ и противъ смертной казни, представляются весьма относительными,—въ особенности доводы, предъявленныя въ защиту смертной казни.

ныхъ дѣяній. На это можно отвѣтить словами Миттермайера, что если находятъ возможнымъ содержать звѣринцы и зоологическіе сады, не боясь побѣговъ хищныхъ звѣрей, то почему же общество не можетъ считать себя гарантированнымъ отъ побѣговъ преступниковъ изъ мѣстъ заключенія? Мало того, смертная казнь, если она есть средство обезпеченія общества отъ преступниковъ, должна прилагаться къ тѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, которыя обладаютъ свойствомъ повторяемости, каковы, напримѣръ, посягательства имущественныя. Между тѣмъ смертная казнь назначается преимущественно за убійство и политическія преступныя дѣянія, то-есть за такія, которыя не отличаются особымъ свойствомъ повторяемости; налагать же смертную казнь за кражу не согласится самый ярый защитникъ ея въ наше время.]

Второй доводъ — она есть единственное справедливое воздаяніе за нѣкоторыя преступныя дѣянія. Очень часто приходится слышать, что смертной казни требуетъ чувство справедливости, присущее народу; что въ народѣ живетъ убѣжденіе, что кровь требуетъ крови. Противъ этого можно сказать, что наказаніе вообще, какъ мы уже видѣли выше, не есть что-либо равное преступному дѣянію; требовать, чтобы каждое наказаніе равнялось преступному дѣянію, невозможно [это простой софизмъ, простая игра словъ. Далѣе, смертная казнь вовсе не имѣетъ постепенности и не обладаетъ свойствомъ дѣлимости; поэтому если она есть справедливое возмездіе, то очевидно, она должна прилагаться за дѣянія, равныя между собою. А между тѣмъ такого равенства никогда не бываетъ; два напримѣръ, умышленныхъ убійства никогда не будутъ вполнѣ равны между собою. Ясно подтверждаютъ это всѣ законодательства, отмѣнившія смерную казнь: отмѣнивъ смертную казнь за извѣстныя преступныя дѣянія, законодательства эти вовсе не назначили за эти дѣянія всегда однихъ и тѣхъ же наказаній. Въ нашемъ уложеніи наказаніе за убійство проходитъ восемь степеней; одно уже это об-

стоятельство показываетъ, что и самъ законодатель одно убійство не считаетъ равнымъ другому. Даже и для тѣхъ законодательствъ, которыя сохранили смертную казнь, существуютъ несомнѣнныя доказательства того, что наказаніе это назначается не за равныя преступныя дѣянія, а именно, въ порядкѣ помилованія, смертная казнь замѣняется на практикѣ самыми разнообразными сроками лишенія свободы, начиная отъ пожизненнаго и до одного года.]

Третій доводъ защитниковъ смертной казни состоитъ въ томъ, что она есть средство устрашающее. Доводъ этотъ самъ по себѣ есть относительный; ни доказать, ни опровергнуть его нѣтъ возможности. Мы должны признать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ смертная казнь дѣйствительно является средствомъ устрашающимъ; но въ другихъ—она такого значенія вовсе не имѣетъ. [Въ 1876 году въ Мадридѣ, въ время самаго исполненія смертной казни за убійство, совершено было другое убійство въ толпѣ, окружавшей эшафотъ. Въ Англіи карманное воровство производилось обыкновенно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ толпѣ, вокругъ эшафота. Такихъ примѣровъ можно привести множество. Что смертная казнь въ извѣстныхъ случаяхъ устрашаетъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но, съ другой стороны, также несомнѣнно, что въ цѣлой массѣ случаевъ она вовсе не производитъ устрашающаго дѣйствія] примѣненіе же смертной казни къ политическимъ преступникамъ нерѣдко создаетъ для нихъ ореолъ мученичества.

Одинъ изъ противниковъ смертной казни, Гетцель, оканчиваетъ свое сочиненіе словами: «смертная казнь несправедлива и нецѣлесообразна, неразумна и безчеловѣчна, безнравстенна и несовременна». [Мы скажемъ лишь: «несовременна»—этого вполнѣ достаточно — и, пожалуй, еще: «безчеловѣчна», разумѣя здѣсь подъ понятіемъ человѣчности свойства природы современнаго человѣка, а не человѣка ветхаго міра. Государство и чело-

вѣкъ лишь постепенно пришли къ уваженію личности; но правъ] Газе, говоря, что наступить нѣкогда время, когда съ ужасомъ будутъ разсказывать о старомъ варварствѣ, которое видѣло едва ли не заслугу передъ Богомъ въ томъ, что законы проливали кровь и людей и христіанъ. (Hase vom Justiz-Morde) *).

Отрѣшаясь отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній и предразсудковъ и становясь на почву положительной науки, мы должны неуклонно исходить изъ того положенія, что смертная казнь—лишеніе жизни преступника—есть одна изъ карательныхъ мѣръ уголовнаго правосудія и подлежитъ, поэтому, одинаковой съ ними оцѣнкѣ по однимъ общимъ правиламъ на основаніи однихъ и тѣхъ же критеріевъ. [Оцѣнивая смертную казнь этимъ способомъ, мы можемъ лишь сказать, какъ сказали выше, что смертная казнь въ качествѣ уголовнаго наказанія въ строгомъ смыслѣ противорѣчитъ положенію личности въ современномъ государствѣ и нравственному настроенію лучшихъ частей современнаго общества, что она не индивидуальна, недѣлима и безусловно невозградима, а посему и не умѣстна въ карательной системѣ современныхъ государствъ. Это совершенно достаточно для разрѣшенія юридическаго вопроса о смертной казни].

---

*) Въ новомъ изданіи добавлено: «Мы скажемъ: весь вопросъ здѣсь въ «современности», „или несвоевременности“.—другими словами, рѣшеніе вопроса о смертной казни зависитъ отъ народной этики. Для того, чтобы признать, что пролитіе крови человѣка, совершаемое по повелѣнію закона и предписанію суда, т.-е смертная казнь, есть варварство, необходимо, чтобы люди сознали, что пролитіе крови ими самими, въ томъ числѣ и политическія убійства, есть варварство. А пока этого сознанія нѣтъ, нельзя требовать, чтобы государство безусловно отказалось отъ смертной казни. Мы можемъ произносить какія угодно красивыя рѣчи противъ смертной казни, но это будутъ однѣ ламентаціи, очень часто служащія лишь для показанія собственной добродѣтели авторомъ, а смертная казнь будетъ оставатся, и если законодатель, не справляясь съ состояніемъ народной этики, ее отмѣнитъ, то она возродится въ формѣ самосуда, суда Линча и т. п., или отмѣна ея принята будетъ за признакъ слабости государственной власти, что будетъ еще хуже.

Н. Н. Розинъ. Профессоръ Томскаго университета. „О смертной казни". Рѣчь для годичнаго акта Императорскаго Томскаго Университета 22 октября 1906 года. 6—8, 9—10, 17—18 стр.

Обладаетъ ли государство властью лишать гражданина жизни, предавая его смертной казни? Будетъ ли актъ государственной власти, совершаемой въ этомъ направленіи, имѣть характеръ права? Вотъ основные вопросы, на которые долженъ быть данъ отвѣтъ.

Какъ бы мы не объясняли происхожденіе государства и его власти, путемъ механической, органической или иной, болѣе современной теоріи,—мы должны будемъ придти къ одному опредѣленному и безспорному выводу. Разъ государственная власть (строй, порядокъ) существуетъ, — она неизбѣжно стремится и должна стремиться всѣми мѣрами поддерживать авторитетъ своихъ велѣній. Наказаніе является одной изъ такихъ (крайнихъ) мѣръ поддержанія авторитета существующихъ порядка и власти. Всѣ направленные въ эту сторону акты государственной власти, предпринятые съ соблюденіемъ формальныхъ условій, будутъ имѣть съ теоретической точки зрѣнія, совершенно законный характеръ. Такъ обосновывается формальное право государства (субъективное уголовное право) на наказаніе, включая самыя тяжкія его формы, включая и смертную казнь.

Но отъ фактической власти, превращенной въ формальное право, въ форменное полномочіе, еще далеко до дѣйствительнаго права. Вопросъ заключается въ томъ, насколько мѣры, предпринимаемыя государствомъ въ борьбѣ за установленный порядокъ,

будутъ обладать дѣйствительнымъ авторитетомъ, авторитетомъ права. Мѣры эти, формально законныя, могутъ опираться на организованную физическую силу: подчиненіе имъ будетъ физически неизбѣжно. Это будетъ политика голой власти, политика, силы *).

Но онѣ могутъ опираться на силу психическую, на общее имъ сочувствіе и ихъ признаніе народными массами.

Въ этомъ случаѣ подчиненіе имъ будетъ сознательно и добровольно. Задача построить государственный порядокъ и средства его поддержанія на такой почвѣ—суть задачи политики не силы, а права. Всѣ мѣры государственной власти, не опирающіяся въ своихъ психологическихъ предпосылкахъ на пониманіе, признаніе и сочувствіе народныхъ массъ, т.-е. слѣдующія политикѣ силы, никогда не будутъ имѣть характера права. Съ этой точки зрѣнія и смертная казнь никогда не будетъ правовымъ институтомъ и доказать это не трудно.

Государство въ своихъ велѣніяхъ можетъ опираться или на религіозные идеалы современнаго общества въ широкомъ смыслѣ, или на его этическіе идеалы, или, наконецъ, на сознаніе практической необходимости и цѣлесообразности той или другой мѣры. Ни то, ни другое, ни третье изъ названныхъ основаній для смертной казни не существуетъ.

Противъ смертной казни говоритъ вся наша религіозная мораль. Eclesia abhorret sanguinem. Смертная казнь противорѣчитъ духу христіанства. И если въ полномъ кротости и всепрощенія евангельскомъ ученіи, какъ часто указываютъ, нѣтъ прямого воспрещенія смертной казни, то противъ нея говоритъ весь внутренній смыслъ христіанскаго вѣроученія, вся «Христова правда».

---

*) Ср. Мокринскій, «Право», 1906, № 22: право, законъ—признаются, какъ фактъ, но отрицаются, какъ норма.

«Моисей заповѣдывалъ намъ побивать такихъ камнями. Ты что скажешь?» Такъ спросили Христа книжники и фарисеи, поставивъ предъ нимъ грѣшницу. «Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень». (Іоан. 8, 5, 7). Вотъ и все евангельское рѣшеніе вопроса о смертной казни. Лишь безнадежное непониманіе или безпредѣльная наглость, какъ замѣтилъ Владимиръ Соловьевъ, могутъ ссылаться на Евангеліе въ защиту смертной казни...

Такимъ образомъ, первая опора смертной казни, какъ акта государственной власти,—религіозное міросозерцаніе общества—выпадаетъ. Власть выступаетъ, какъ власть, какъ голая сила*).

Другой психологической опорой этого акта государственной власти можетъ являться современная внѣ-религіозная, общечеловѣческая мораль, нравственныя воззрѣнія общества. Наши нравственные взгляды и чувства безусловно отвергаютъ смертную казнь. Наша нравственность вся покоится на уваженіи къ человѣческой личности, на бережномъ къ ней отношеніи, ибо человѣческая личность является центромъ и основаніемъ всей нашей культуры. На той же точкѣ зрѣнія должно стоять и право. Владимиръ Соловьевъ писалъ: «нравственное начало требуетъ реальнаго противодѣйствія и опредѣляетъ это противодѣйствіе (или наказаніе въ широкомъ смыслѣ слова), какъ правомѣрное средство дѣятельнаго человѣколюбія, законно и принудительно ограничивающее внѣшнія проявленія злой воли не только ради безопасности общества и его мирныхъ членовъ, но непремѣнно также и въ интересахъ самаго преступника». Въ этомъ нравственномъ характерѣ права весь залогъ его вліянія и успѣха, и для общества, которое уже поднялось на эту высоту, смертная казнь навсегда останется дѣйствіемъ «нечестивымъ, безчеловѣчнымъ и постыднымъ», останется «принудительнымъ отрицаніемъ коренного нравственнаго отношенія къ человѣку».

Для русскаго народа это положеніе въ особенности правильно.

Смертная казнь «противна» намъ, какъ писалъ уже Хомяковъ, какъ думала Елизавета, какъ думали наши предки эпохи Владимира Краснаго Солнышка, жившіе по «устроенію отню и дѣдню». Это «слова племени славянскаго», лишь затемненная вліяніемъ Византіи, татарства и нѣмецкаго абсолютизма. Совершеніе смертной казни въ насъ не будитъ ничего кромѣ чувства стыда, оскорбленныхъ совѣсти, чести и нравственнаго достоинства и, въ концѣ концовъ презрѣнія и отвращенія къ силѣ—виновницѣ казни *).

Такъ выпадаетъ и вторая возможная опора смертной казни—нравственныя воззрѣнія общества. И въ этой сферѣ государственная власть, оперирующая казнями, выступаетъ, какъ голая сила.

Третьимъ основаніемъ смертной казни могли бы быть политическія соображенія о цѣлесообразности ея. Такъ называемое позитивное направленіе въ научномъ изслѣдованіи вопроса о смертной казни, возникшее въ Англіи и распространившееся въ Европѣ, благодаря Миттермайеру, уже дало отвѣтъ на эту сторону вопроса...

Съ точки зрѣнія уголовно-политической смертная казнь нецѣлесообразна и безсмысленна, ибо не только не достигаетъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ существуетъ и практикуется, но еще болѣе способствуетъ эпидеміи насилія и неуваженія къ человѣческой жизни.

Это «безуміе кровожаднаго звѣря» (Лоранъ.) Нѣтъ ни одного болѣе или менѣе замѣтнаго криминалиста, который нынѣ нашелъ бы смѣлость убѣжденія высказаться въ защиту смертной казни.

Лучшіе криминалисты запада, всѣ наши крупные криминали-

---

*) См. Сикорскій: Чувства, испытываемыя при видѣ смертной казни Кіевъ, 1 06.

сты: Таганцевъ, Фойницкій, Кистяковскій, Сергѣевскій, Неклюдовъ, Б. Котляревскій, Набоковъ, Чубинскій, Мокринскій и др.— всѣ они противъ смертной казни. Противъ нея высказалась и вся редакціонная комиссія по составленію новаго уголовнаго уложенія.

Съ точки зрѣнія государственной, политической смертная казнь, при всѣхъ указанныхъ условіяхъ, превращается въ слѣпое проявленіе голой власти, голой силы, самозащиты отжившаго и обреченнаго на смерть классоваго эгоизма. Насиліе, имъ практикуемое, не оградитъ его умирающей власти, но подточить государственные устои и водворить на мѣсто грядущаго права анархію—оно вполнѣ способно.

И если вы внимательно всмотритесь въ окружающую насъ дѣйствительность, то легко увидите, что эти научные выводы— не голая теорія. По всюду слышится энергичный кликъ всего русскаго народа — «долой смертную казнь». Цѣлыя сотни многолюдныхъ союзовъ, обществъ, совѣтовъ, собраній, съѣздовъ— по всей Россіи, отъ Архангельска до Тифлиса, отъ Варшавы до Владивостока заявили свой горячій протестъ противъ смертной казни. Лига борьбы съ смертной казнью растетъ. Книги, журналы—переполнены статьями, направленными противъ смертной казни. Наша первая Дума въ первыхъ шагахъ своихъ, въ отвѣтъ на тронную рѣчь, превозгласила принципъ отмѣны смертной казни и 19 іюня 1906 года единогласно вотировала законопроектъ объ этой отмѣнѣ. Это единодушіе всей Россіи въ борьбѣ съ смертной казнію не можетъ быть игнорировано. Въ немъ сказалась и культурность нашего общества, и возвышенность его религіозныхъ и этическихъ идеаловъ, и гордая вѣрность славянина его исконнымъ историческимъ завѣтамъ—отвращеніе къ византійскому и татарскому наслѣдію.

Профессоръ. Томскаго университета С. П. Мокринскій. Смертная казнь и борьба съ политическими преступниками. („Право", 1906 г., № 22).

Говорятъ, какъ жизнь есть высшее благо, такъ смерть есть высшее зло. Но если это и правда, то отсюда еще отнюдь не слѣдуетъ выводъ, чтобы угроза смертью, какъ высшимъ зломъ, обладала бы и наивысшей репрессивной силой. Объективная мѣрка угрозы — ничто для свѣдущаго въ психологіи уголовнаго политика. Чтобы устрашить кого-либо, слѣдуетъ грозить не тѣмъ, что вредно или опасно само по себѣ, но тѣмъ, что можетъ устрашить субъекта. Лишеніе сословныхъ отличій, къ которому мудрецъ отнесся бы, по праву, съ полнымъ равнодушіемъ, можетъ оказаться весьма серьезной угрозой въ глазахъ человѣка, воспитаннаго въ сословныхъ предразсудкахъ. Наоборотъ, именно угроза смертью, какъ ни серьезна она сама по себѣ, далеко не обладаетъ, репрессивной силой, соотвѣтствующей ея объективному значенію. Пусть не разсказываютъ намъ о той, несравнимой ни съ чѣмъ, «смертельной» тоскѣ, которую переживаютъ осужденные на смертную казнь,—это страданія запоздалыя, съ точки зрѣнія уголовной политики—безполезныя. Вселять страхъ должна угроза наказанія, а не само оно. Важно не то, чтобы преступникъ страдалъ, когда его наказываютъ, надо, чтобы онъ боялся быть наказаннымъ.

Кто не слыхалъ о кражахъ, совершавшихся у подножія эшафотовъ, на которыхъ въ то время казнили воровъ. Въ этихъ разсказахъ нѣтъ ничего удивительнаго. Привычка исключаетъ страхъ. А ни къ чему у людей нѣтъ такой прочной привычки, какъ рисковать своей жизнью. Матросъ или рыбакъ спокойно отплываютъ въ то самое море, которое поглотило отца ихъ и дѣда; углекопъ и кровельщикъ становятся вновь на свою опасную работу черезъ два или три часа послѣ гибели ихъ товарища; мы спокойно садимся въ поѣздъ, зная о крушеніи, происшедшемъ утромъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Никто не хочетъ умирать, но каждый сроднился съ мыслью, что рано или поздно умереть придется, что жить и рисковать жизнью—почти синонимы. Даже самыя развлеченія, какъ, напр. многіе виды спорта, нерѣдко связаны съ крупнымъ и серьезнымъ рискомъ жизнью и здоровьемъ.

Не говоримъ ужъ о войнахъ, гдѣ массы людей, отнюдь не воинственныхъ отъ природы, необычно скоро свыкаются съ рѣзко повышеннымъ рискомъ смерти и, спустя уже нѣсколько дней по прибытіи на театръ войны, идутъ въ бой безъ малѣйшаго колебанія. Изъ-за какой малости люди готовы рисковать жизнью, показываютъ также примѣры вооруженныхъ возстаній, гдѣ значительная часть убитыхъ и раненыхъ приходится всегда на долю любопытныхъ.

Есть, конечно, и другія соображенія, подрывающія репрессивное значеніе смертной казни. Значеніе ихъ ясно вырисовывается изъ сравненія этого вида наказанія съ тюремнымъ заключеніемъ. Послѣднее есть меньшее зло въ сравненіи со смертной казнью, но репрессивное воздѣйствіе его несомнѣнно выше.

Ставить на карту жизнь такъ просто, легко и красиво, въ этомъ есть своего рода доблесть, отвага, или хотя простое молодечество, но непривычно, сложно и нерадостно рисковать свободой, идти на преступленіе, имѣя въ перспективѣ долгіе томи-

тельные годы тоскливаго увяданія. Къ тому же, если спеціально не имѣть въ виду политическія преступленія, тюрьма можетъ быть и позоромъ, тогда какъ мертвые «срама, не имутъ».

Приведенныя соображенія относительно малой репрессивности смертной казни вообще, — по отношенію къ политической преступности необходимо восполнить еще нѣкоторыми спеціальными. Устанавливая наказанія за политическія преступленія, законодатель не можетъ не считаться съ типичными особенностями какъ субъекта, такъ и его дѣянія, — съ послѣдними не только въ абстрактномъ очертаніи закона, но и въ житейской обстановкѣ обычнаго выполненія.

Какъ общее правило, политическій преступникъ есть человѣкъ идеи, головной страсти. Имъ движетъ глубокое всепоглощающее чувство, преподымающее его надъ людьми и надъ повседневною этикой. За рѣдкими исключеніями, онъ дѣйствуетъ не изъ корыстныхъ, эгоистическихъ побужденій, но во имя общественнаго идеала, приноситъ себя въ жертву преслѣдуемой имъ, совмѣстно съ политическими единомышленниками, общественной задачѣ, а такъ какъ ничто въ такой мѣрѣ не цементируетъ и не освящаетъ въ глазахъ толпы исповѣдуемое вѣроученіе, какъ проливаемая во имя его человѣческая кровь, то смертная казнь, при извѣстной повышенности настроенія, можетъ не только не отталкивать, а привлекать преступника, рисуясь ему, какъ вожделенный вѣнецъ подвижнической жизни.

Не могутъ не вліять на дѣйствіе угрозъ и свойства самого дѣянія. Политическое преступленіе, тяжкое, наказуемое смертной казнью, почти всегда требуетъ отъ субъекта готовности къ самопожертвованію, независимо отъ ожидаемаго наказанія. Тотъ, кто бросаетъ бомбу, рискуетъ быть разорваннымъ и самъ; нельзя защищать баррикады, не дѣлая себя мишенью для солдатской пули. Что значитъ передъ рискомъ смерти въ самый моментъ преступленія еще дальнѣйшій подобный же рискъ смерти,

какъ послѣдствія судебнаго приговора? Угроза смертной казнью за дуэли (примѣръ—аналогичный) содѣйствовала ли когда-нибудь ихъ сокращенію? Человѣкъ психологически неспособенъ, въ виду наличной смертной опасности, серьезно думать еще о другой, однородной, гадательной, предстоящей въ неопредѣленномъ будущемъ.

Его же „Система и методы науки уголовнаго права". („Вѣстникъ права", 1906 г., III кн. 20—21 стр.

Съ нравственной точки зрѣнія, въ образѣ смертной казни мы встрѣчаемъ безспорный эксцесъ карательнаго правомочія. Право наказанія, равно какъ и право нужды, предполагаетъ коллизію благъ, цѣнность которыхъ несоизмѣрима. Но въ правѣ ли мы разсматривать благо нравственной жизни отдѣльнаго человѣка, какъ нѣчто несоизмѣримо менѣе цѣнное въ сравненіи съ благомъ нравственной жизни хотя бы, скажемъ,—всего человѣчества?

Утверждать что-либо подобное не значило ли бы вносить въ расцѣнку правовыхъ благъ критерій количественный тамъ, гдѣ единственно допустимъ качественный? Вѣдь разсуждая послѣдовательно, мы неминуемо должны были бы притти тогда къ чудовищному выводу, что одинъ человѣкъ не въ правѣ убить для своего спасенія 100 или 1000, но сто или тысяча человѣкъ въ правѣ убить съ тою же цѣлью одного человѣка.

Если необходимость охраненія нравственно жизни есть ultima ratio уголовной этики, то въ правѣ ли мы посягать на то, что составляетъ естественно необходимое вмѣстилище этого ratio? Большая часть остальныхъ жизненныхъ благъ (имущество, политическія права) носитъ характеръ служебный, значеніе ихъ только производное, по отношенію къ нимъ допустимъ учетъ не только качественный, но и количественный, но благо, которое само составляетъ конечную цѣль, логически не можетъ быть мыслимо, какъ

средство, ведущее къ этой цѣли, какъ нѣчто, чѣмъ позволительно было бы жертвовать ради этой цѣли. Если признать, что охраненіе нравственной жизни, какъ спеціальной отрасли сознанія, есть крайній и послѣдній принципъ уголовной этики, то, очевидно, и охранять и цѣнить эту жизнь слѣдуетъ не только въ совокупности тѣхъ временныхъ сосудовъ, въ которые она разлита, но и въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Заслуженный профессоръ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія Н. С. Таганцевъ: Русское уголовное право, ч. общ., т. 2. СПБ. 1902. 1131—1134 стр.

Жизнь не оправдала надеждъ, возлагаемыхъ на смертную казнь: она повсюду, какъ доказываютъ статистическія данныя, остается безъ всякаго вліянія на ростъ преступленій. Дѣтоубійство, угрожаемое по французскимъ законамъ смертною казнью, съ 1825 г. болѣе чѣмъ учетверилось; съ отмѣною квалифицированной смертной казни, преступленія, ею угрожаемыя, не только не возрасли, но нѣкоторыя даже и уменьшились; она не повлекла за собою, какъ предсказывали ея защитники, разрушенія всего существующаго порядка; то же мы видѣли въ Англіи послѣ отмѣны смертной казни за огромное число преступленій законами тридцатыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Наоборотъ, сторонники смертной казни не могутъ представить данныхъ, которыя бы свидѣтельствовали, что введеніе смертной казни за какія-либо преступныя дѣянія содѣйствовало уменьшенію этихъ преступленій. Тѣ же соображенія, а нѣкоторыя еще и съ большею силою, относятся къ примѣненію смертной казни и къ преступленіямъ политическимъ, такъ какъ и въ этихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ въ области правосудія, государство должно преслѣдовать ту же общую карательную цѣль—охрану правопорядка. Смертная казнь и здѣсь также мало устрашительна и примѣрна, также непригодна для обезпеченія общества отъ преступника; недавнее прошлое указываетъ намъ, что эпоха наиболѣе частаго

примѣненія смертной казни совпадаетъ съ періодами наиболѣе частаго повторенія тяжкихъ политическихъ посягательствъ. Не нужно забывать что, дѣйствуя, по большей части, не изъ личныхъ разсчетовъ и побужденій, преступники политическіе, фанатики, всего менѣе доступны подавляющему чувству страха. Достаточно ничтожной доли фанатизма, чтобы муки смерти казались наградою, чтобы эшафотъ рисовался ступенью безсмертія. Какъ указываетъ опытъ исторіи, этотъ ореолъ мученичества способенъ часто не подавлять, а содѣйствовать развитію вѣрованія или ученія, даже не имѣвшаго, повидимому, надежды на успѣхъ. Оттого преступники фанатики, сектанты, часто жаждутъ публичной казни въ интересахъ своей партіи, жаждутъ принять вѣнецъ. Поучительные примѣры этого рода мы въ изобиліи можемъ найти въ исторіи нашего сектанства. Какъ замѣтилъ еще Гизо, въ то время, когда политическія движенія, революціи, имѣли личный, такъ сказать, династическій характеръ, являлись переворотомъ, передававшимъ власть отъ одного лица къ другому, отъ одной главы партіи къ другой, тогда, конечно, уничтоженіе главы или коноводовъ революціоннаго движенія могло похоронить и самое движеніе, ихъ смерть могла дѣйствительно обезпечить на время, а иногда и навсегда спокойствіе правящей власти; но эпоха подобныхъ движеній для большинства европейскихъ государствъ отошла въ прошлое. Нынѣ господствующее мѣсто заняли движенія, если можно такъ выразиться, идейнаго характера. Стремленія пересоздать государственный или экономическій строй, распространить то или другое религіозное вѣрованіе, какъ революціонные двигатели, не могутъ, по самому своему существу, сосредоточиваться въ опредѣленной личности, а уподобляются скорѣе гидрѣ Геркулеса съ ея саморастущими головами. Движенія, такъ сказать, демократизировались, а потому истребленіе, хотя бы и массами, ихъ кажущихся вожаковъ, безсильно остановить самое движеніе и обезопасить отъ него

общество. Лишь въ самомъ содержаніи этого движенія лежитъ залогъ его жизни или смерти. Если идея, вѣрованіе, исповѣдываемыя первоначально, хотя бы горстью людей, составляютъ дѣйствительно принципъ обновленія человѣчества, залогъ его дальнѣйшаго развитія, то ничто не остановитъ ихъ тріумфальнаго шествія: ни потоки крови, ни тысячи человѣческихъ головъ. Изъ-подъ груды тѣлъ, изъ-подъ дымящихся развалинъ и опустошенныхъ городовъ, онѣ вновь явятся неуловимыя, вѣчно юныя, готовыя неустанно итти на ловитву душъ. Не такова ли исторія христіанства?

Какъ скоро сила въ идеѣ, а не въ ея носителяхъ, то и легіоны палачей не умертвятъ безсмертную. Если же идея, начертанная на знамени партіи, является символомъ не обновленія, а разрушенія, залогомъ не развитія, а уничтоженія всего, что создано минувшими поколѣніями и передано намъ, какъ дорогое наслѣдье, то ея смерть въ ея нравственномъ безплодіи. Она можетъ дать вспышки, взрывы грозные, мертвящіе на время все къ нимъ близкое; но ея торжество мимолетно: здоровыя силы вѣчно растущаго человѣчества снесутъ и заживятъ образовавшуюся гангрену. Конечно, никакое государство не можетъ безучастно смотрѣть на попытки поколебать его существованіе, его мирное развитіе. Изъ какихъ бы побужденій и идей ни выходили его противники, въ особенности когда ихъ стремленія переходятъ въ область практики, государство можетъ и должно карать виновныхъ; но оно не должно думать, что возможно смертью вырвать движеніе съ корнемъ. И чѣмъ крѣпче правительство, чѣмъ дальше въ глубь вѣковъ идутъ его устои, чѣмъ ближе связь его съ народомъ, не отдѣляющимъ отъ него свою историческую судьбу, тѣмъ безполезнѣе является для него смерть лицъ, ему враждебныхъ.

Если политическая партія въ своей борьбѣ съ существующимъ порядкомъ прибѣгаетъ къ убійству и поджогу, къ подлогу

и кражѣ, совершаетъ злодѣянія, возмущающія совѣсть каждаго, то казните за учиненное, казните тяжко, но не придавайте виновнымъ особаго характера, не окружайте ихъ ореоломъ политическаго мученичества, создающаго прозелитовъ; а такое послѣдствіе неминуемо вызываетъ сохраненіе въ законѣ смертной казни лишь за политическія преступленія.

Преступника уничтожаютъ, какъ ни на что непригоднаго члена общества, а между тѣмъ въ литературѣ смертной казни мы встрѣчаемъ рядъ указаній, что помилованные образцово вели себя въ тюрьмахъ и получали вполнѣ заслуженно условное освобожденіе. А политическіе преступники? Какъ много измѣненій въ складъ убѣжденій вносятъ зрѣлый возрастъ, жизненный опытъ. Мы не должны забывать, что къ смертной казни были приговорены и Тьеръ и Андраши; что право помилованія спасло для Россіи одну изъ крупныхъ величинъ ея литературы—Достоевскаго.

Наконецъ, нельзя не сказать, что защитники смертной казни забываютъ совершенно преступника, забываютъ индивидуальную задачу наказанія. Правда, между защитниками смертной казни находятся и такіе, которые повидимому искренно говорятъ объ исправительномъ значеніи этого наказанія, о примиреніи преступника предъ лицомъ смерти съ совѣстью и Богомъ. Преступникъ, замѣчаетъ Лохвицкій (стр. 369), всегда является на казнь очищеннымъ, такъ какъ перспектива смерти ведетъ его къ размышленію о прошедшей и будущей жизни. Но люди практически знакомые съ дѣломъ, свидѣтельствуютъ о противномъ; они свидѣтельствуютъ, что для большинства приговоренныхъ, подавленныхъ близостью насильственной смерти, недостаетъ того спокойствія духа, которое является необходимымъ условіемъ истиннаго раскаянія. Наконецъ, нельзя забывать, что какими бы гарантіями ни было обставлено человѣческое правосудіе, оно всегда доступно ошибкамъ: на это мы къ несчастью имѣемъ свидѣтельства изъ

уголовной лѣтописи всѣхъ государствъ. Но какъ же исправимъ мы такую ошибку по отношенію къ казненному? Возстановленіе памяти можетъ служить утѣшеніемъ его семьѣ, но мертвые не оживаютъ. А потому не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнетъ изъ угловныхъ кодексовъ, и для нашихъ потомковъ самый споръ о ея цѣлесообразности будетъ казаться столь же страннымъ, какимъ представляется теперь для насъ споръ о необходимости и справедливости колесованія или сожженія преступниковъ.

Проф. С.-Петербургскаго университета И. Я. Фойницкій. Ученіе о наказаніи. Спб. 1889 г. 151 стр.

Наказаніе должно ограждать общество отъ всякихъ преступныхъ посягательствъ; эту задачу обыкновенно берутъ на себя нормальныя наказанія, которыя и достигаютъ преслѣдующую цѣль по отношенію къ преступникамъ исправимымъ; но иначе ставится вопросъ по отношенію къ неисправимымъ: если можно съ увѣреностью сказать, что данный преступникъ совершенно неисправимъ, то для огражденія отъ него общества остается единственная мѣра — лишить его жизни. Таковъ доводъ, приводимый нынѣ преимущественно итальянскою антропологическою школой. Согласно этому взгляду, такимъ образомъ, смертная казнь должна примѣняться къ неисправимымъ; но является вопросъ: какіе изъ преступниковъ должны быть признаны наиболѣе неисправимыми, тѣ ли, которые совершили наиболѣе тяжкія преступленія? Наблюденія показываютъ, что, наоборотъ, наиболѣе неисправимымъ представляется классъ мелкихъ воришекъ, подготовленныхъ къ преступной жизни праздностью и порокомъ. И если допустить, что смертная казнь нужна для неисправимыхъ, то это привело бы къ тому, что она должна примѣняться не за тягчайшія преступленія, а напротивъ, за преступленія наиболѣе легкія. Для юриста этотъ выводъ изъ приводимаго аргумента представляется достаточнымъ, чтобы уничтожить силу самаго аргумента.

* * *

Исторія уголовнаго права рисуетъ намъ картину постепеннаго смягченія наказаній подъ вліяніемъ общаго хода развитія культуры. Прежнія грубыя формы воздѣйствія на личность преступника смягчаются или вовсе исчезаютъ, вмѣсто нихъ появляются иныя, болѣе соотвѣтствующія новой ступени культуры, покоющейся на иномъ, чѣмъ прежде, положеніи личности въ государствѣ, новому правосознанію, дающему новую оцѣнку отдѣльныхъ правовыхъ благъ человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствованіе человѣческой психики съ теченіемъ времени даетъ возможность обходиться безъ прежнихъ грубыхъ средствъ принужденія и позволяетъ замѣнить ихъ другими мѣрами, могущими съ большимъ успѣхомъ воздѣйствовать на психику преступника. Но это общее измѣненіе характера уголовной репрессіи происходитъ медленно, и въ эпохи болѣе позднія мы встрѣчаемъ переживанія эпохъ болѣе раннихъ; только постепенно эти переживанія прошлаго, эти анахронизмы, окончательно отходятъ въ область исторіи. Къ такимъ особенно рѣзкимъ анахронизмамъ въ современной карательной системѣ, основывающейся на признаніи цѣнности личности и на стремленіи возродить эту личность для соціальной жизни, относится смертная казнь, исходящая по самому своему существу изъ полнаго игнорированія и неуваженія личности человѣка. Съ одновременнымъ существованіемъ смертной казни на ряду съ такими мѣрами борьбы съ преступностью, какъ условное осужденіе, досрочное освобожденіе и т. п., не можетъ и не долженъ смириться современный криминалистъ, иначе смотрящій на цѣль наказанія и необходимыя его свойства, чѣмъ смотрѣли на нихъ прежде.

При оцѣнкѣ смертной казни, какъ и всякаго другого наказанія, мы должны считаться съ одной стороны съ тѣмъ, насколько смертная казнь достигаетъ тѣхъ цѣлей, которыя государство преслѣдуетъ въ своей карательной дѣятельности, и съ другой, — насколько близко подходитъ она къ тому идеалу наказанія, который существуетъ въ данную эпоху. При этомъ, конечно, слѣдуетъ помнить, что наказаніе есть зло, примѣненіе котораго оправдывается достиженіемъ извѣстной полезности и что отъ этого зла приходится отказываться, какъ только можно усмотрѣть, что оно значительно превышаетъ ту пользу, ради которой дозволяется его примѣненіе.

Обращаясь къ оцѣнкѣ смертной казни сообразно цѣлямъ карательной дѣятельности государства, можно замѣтить, что смертную казнь защищаютъ и съ точки зрѣнія теорій абсолютныхъ, теорій возмездія, и съ точки зрѣнія теорій относительныхъ, теорій общаго и спеціальнаго предупрежденія. Однако, на сторону какой бы изъ этихъ теорій не становиться, все-таки, съ точки зрѣнія общихъ исходныхъ положеній любой изъ нихъ, слѣдуетъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ отвергнуть возможность примѣненія смертной казни.

Исходя изъ теоріи возмездія, смертную казнь защищаютъ въ виду того, что есть преступленія настолько тяжкія, что единственнымъ подходящимъ наказаніемъ въ отношеніи ихъ признается смертная казнь. Отголосокъ этой теоріи сквозитъ отчасти и въ разсужденіяхъ тѣхъ защитниковъ смертной казни, которые всячески открещиваются отъ теоріи возмездія, но признаютъ, что существуютъ такіе преступники, къ которымъ единственно примѣнимой мѣрой воздѣйствія является смертная казнь. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ имѣютъ въ виду убійство, въ отношеніи котораго и отстаиваютъ старый принципъ: кровь за кровь. Однако высказывающіе этотъ взглядъ отказываются отъ его послѣдовательнаго проведенія, такъ какъ это знамено-

вало бы возвращеніе къ отдаленнымъ, уже пережитымъ стадіямъ культуры, и дѣлаютъ рядъ оговорокъ, указывая на то, что смертная казнь примѣнима не ко всѣмъ видамъ убійства, а только къ особымъ его случаямъ, къ такъ наз. предумышленному убійству, понятіе котораго однако не можетъ быть съ точностью установлено.

Другіе же указываютъ на то, что такими преступленіями, за которыя должна назначаться смертная казнь, являются важнѣйшія государственныя преступленія, гдѣ особое значеніе объекта посягательствъ позволяетъ приравнивать ему на вѣсахъ правосудія жизнь преступника.

Но съ одной стороны, если сравнивать другъ съ другомъ убійство и смертную казнь, то придется признать, что должнаго равновѣсія между этими двумя видами пролитія крови нѣтъ, такъ какъ при воздаяніи смертью за убійство всегда получается нѣкоторый плюсъ, невыгодно освѣщающій смертную казнь— это убійство, совершенное велѣніемъ государственной власти, — по сравненью съ убійствомъ, совершеннымъ преступникомъ. То психическое состояніе, которое переживаетъ преступникъ, приговоренный къ смертной казни, съ момента постановленія приговора до момента его исполненія, и въ особенности на мѣстѣ казни, состояніе натуры, такъ мастерски икартинно изображенной нашими писателями, особенно ярко подчеркиваетъ отсутствіе равновѣсія между смертной казнью и убійствомъ. Самая необходимость прибѣгать къ особой обстановкѣ, въ которой совершается смертная казнь, къ особымъ приготовленіямъ къ ней придаютъ ей характеръ такого мучительнаго и жестокого наказанія, которое и съ точки зрѣнія теоріи возмездія должно признаваться наказаніемъ, несоразмѣрнымъ убійству, слѣдовательно несправедливымъ, а потому и недопустимымъ.

Съ другой стороны, что касается посягательствъ на государственный строй, то современный взглядъ на сущность этихъ

дѣяній не усматриваетъ въ нихъ какую-нибудь особенную, выдающуюся ихъ опасность по сравненію съ другими преступленіями, какъ это признавалось прежде, а это заставляетъ отказаться отъ примѣненія къ нимъ смертной казни, какъ наказанія, которое могло бы соотвѣтствовать предполагаемой особой тяжести посягательства этого рода.

Если, далѣе, стать на точку зрѣнія теоріи общаго предупрежденія и имѣть въ виду эту цѣль наказанія, какъ главную и преимущественную, то слѣдуетъ сказать, что роль смертной казни, какъ средства общаго устрашенія или общаго предостереженія, не такъ велика, какъ это могло бы казаться на первый взглядъ. Всѣмъ извѣстны примѣры совершенія преступленій во время и на мѣстѣ исполненія смертной казни, притомъ даже такихъ, за которыя въ данномъ случаѣ казнь именно и примѣняется; всѣмъ извѣстно вмѣстѣ съ тѣмъ, что ростъ преступленій не задерживается изобиліемъ смертныхъ приговоровъ, какъ это легко можно установить на основаніи простого наблюденія явленій, происходящихъ сейчасъ на нашихъ глазахъ. Это и понятно. Если у человѣка, рѣшившагося совершить преступленіе, завѣдомо обложеное смертной казнью, и является мысль о возможности подвергнуться этому наказанію, то онъ или отгоняетъ ее отъ себя, или не считается съ ней, и идетъ на преступленіе. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ страхъ смерти не оказалъ своего дѣйствія на него. Вообще же нормально люди воздерживаются отъ совершенія преступленій, влекущихъ за собой смертную казнь, не потому, что они боятся именно этого наказанія, а потому, что, въ виду самой цѣнности объектовъ посягательствъ этого рода, они безъ особыхъ преобладающихъ мотивовъ на совершеніе подобныхъ дѣяній не рѣшатся. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что самый способъ правового воспитанія массъ посредствомъ угрозы смертной казнью представляется совершенно недопустимымъ въ

условіяхъ современной культуры и развитой психики современнаго человѣка; онъ до нѣкоторой степени могъ бы быть примѣняемъ въ отношеніи первобытныхъ дикарей, но не въ отношеніи современныхъ людей, доступныхъ инымъ пріемамъ правовой мотиваціи.

Но, если съ точки зрѣнія общаго предупрежденія нельзя отмѣтить положительныхъ сторонъ смертной казни, то съ другой стороны нельзя не указать на ея отрицательныя стороны. Государство, преслѣдуя цѣль насажденія въ гражданахъ соціальныхъ мотивовъ поведенія путемъ примѣненія къ нимъ особыхъ средствъ правового принужденія, должно выбрать такіе способы своей дѣятельности, которые производятъ благотворное вліяніе на человѣческую психику и избѣгать такихъ, которые вызываютъ обратные результаты. Между тѣмъ, примѣненіемъ смертной казни государственная власть способствуетъ лишь развращенію общества. Пролитіе крови, совершаемое государствомъ, порождаетъ усиленіе наиболѣе тяжкихъ посягательствъ, какъ результатъ обезцѣненія человѣческой жизни. И государство въ этомъ отношеніи, конечно, не способствуетъ росту культуры, а задерживаетъ его, прививая психикѣ гражданъ антисоціальные мотивы дѣятельности. Переживаемая нами эпоха особенно ясно подтверждаетъ это положеніе. Наконецъ, самая необходимость для государства содержать наемнаго убійцу-палача и совершать легальные убійства съ соблюденіемъ весьма тягостныхъ формальностей должны естественно шокировать совѣсть каждаго честнаго и гуманнаго гражданина и подрывать въ его глазахъ авторитетъ государственной власти, прибѣгающей къ такимъ мѣрамъ борьбы съ преступностью.

Наконецъ, что касается спеціальнаго предупрежденія, какъ цѣли наказанія, то, само собой разумѣется, смертную казнь можно защищать, имѣя въ виду лишь цѣль обезвреженія—его достиженіе наилучшее устраненіе преступнаго элемента изъ общества; ни о

цѣли устрашенія преступника, ни о цѣли его исправленія здѣсь рѣчи быть не можетъ. Съ этой точки зрѣнія защищаютъ смертную казнь въ особенности представители уголовно-антропологической школы, для которыхъ прирожденный преступникъ, учинившій тяжкое посягательсто,—существо, настолько невыносимое для общества, что послѣднее должно считать себя въ правѣ примѣнять къ нему смертную казнь. Но почему именно надо прибѣгать въ этомъ случаѣ для достиженія цѣли обезвреженія непремѣнно къ смертной казни? Развѣ другія мѣры не могутъ быть использованы съ той же цѣлью? Вѣдь, если имѣть въ виду идею удаленія преступника изъ общества въ ея чистомъ видѣ, то естественно можно было бы защищать въ отношеніи прирожденныхъ преступниковъ и примѣненіе пожизненнаго лишенія свободы. Защита въ этомъ случаѣ смертной казни ясно указываетъ, что и здѣсь оказала свое вліяніе идея возмездія. Прирожденный преступникъ, совершившій особенно тяжкое посягательство, долженъ подвергнутся смертной казни потому, что это наказаніе наиболѣе соотвѣтствуетъ тяжести самаго преступленія. И здѣсь, слѣдовательно, начало: кровь за кровь проявляетъ свое дѣйствіе. Нужно сказать однако, что въ самое недавнее время защита смертной казни съ точки зрѣнія уголовной антропологіи поколеблена самимъ главой и основателемъ школы Ломброзо, который находитъ, что для достиженія цѣли радикальнаго устраненія преступника надо было бы казнить не то небольшое число преступниковъ, которое обычно подвергается смертной казни, а число, во много разъ его превышающее, но это было бы настоящей бойней. «И я думаю, замѣчаетъ Ломброзо, что въ наши дни, озаренные свѣтомъ гуманности, распространяющимся на всѣ живыя существа, самый ярый сторонникъ смертной казни не дойдетъ до этого».

Такимъ образомъ, и при оцѣнкѣ смертной казни съ точки зрѣнія спеціальнаго предупрежденія признано необходимымъ счи-

таться не исключительно только съ опасностью самаго преступника, но и съ соціальнымъ значеніемъ этого наказанія. Но если цѣль спеціальнаго предупрежденія понимать въ смыслѣ цѣли соціальнаго перевоспитанія преступника, къ чему единственно государство и должно стремиться въ своей карательной дѣятельности, то съ этой точки зрѣнія не можетъ быть мѣста для смертной казни въ карательной системѣ.

Оцѣнивая въ заключеніе смертную казнь съ точки зрѣнія современнаго идеала наказанія и обращая при этомъ вниманіе на тѣ общія свойства, которыми должно обладать наказаніе, слѣдуетъ отмѣтить одну черту, которая особенно невыгодно отличаетъ смертную казнь отъ другихъ наказаній, черту по этому весьма характерную—ея невозстановимость. Современное государство, сохраняя съ одной стороны въ своей карательной системѣ смертную казнь, а съ другой признавая принципъ вознагражденія невинно привлеченныхъ къ суду уголовному и невинно осужденныхъ, впадаетъ въ этомъ отношеніи въ самое рѣзкое противорѣчіе съ самимъ собой. Если наше правосознаніе не мирится съ понятіемъ вреда отъ судебной ошибки надъ человѣкомъ невиновнымъ въ случаѣ отбытія имъ менѣе тяжкаго наказанія или простого привлеченія къ суду, на чемъ и покоится институтъ вознагражденія за этотъ вредъ, то совершенно немыслимо допущеніе существованія смертной казни въ виду одной возможности случаевъ судебной ошибки, при которыхъ ни о какомъ вознагражденіи потерпѣвшаго за причиненный ему вредъ, притомъ вредъ самый существенный, не можетъ быть рѣчи. Съ этимъ обстоятельствомъ въ особенности нельзя не считаться въ тѣхъ случаяхъ, когда направленіе правосудія по дѣламъ о преступленіяхъ, обложеныхъ смертной казнью, поручается такимъ судебнымъ учрежденіямъ, которыя не обладаютъ необходимыми гарантіями, обезпечивающими правильность отправленія правосудія.

Итакъ, подводя итогъ всему сказанному, слѣдуетъ признать, что смертная казнь есть анохронизмъ, она не соотвѣтствуетъ современной оцѣнкѣ личности, она не оправдывается ни съ точки зрѣнія теорій возмездія, ни съ точки зрѣнія теорій общаго и спеціальнаго предупрежденія, она невозстановима. При такихъ условіяхъ смертная казнь не можетъ и не должна существовать въ современной карательной системѣ.

А. Жижиленко.

Профессоръ С. Петербургскаго Университета.

Профессоръ Варшавскаго университета В. В. Есиповъ. Очеркъ русскаго уголовнаго права. Часть общая. Изданіе 3-е. М. 1904 г. 414 стр.

Смертная казнь не допускаетъ, конечно, дѣлимости, и погасимости, а равно и вознаградимости, — то-есть не удовлетворяетъ основнымъ условіямъ, коимъ должно отвѣчать каждое правомѣрное наказаніе: въ этомъ одномъ лежитъ залогъ его осужденія, не говоря уже о непоправимости судебныхъ ошибокъ при ея примѣненіи.

Она противорѣчитъ основнымъ требованіяхъ нравственности и религіи, что и было выражено еще въ первоначальномъ правилѣ церкви; eclesia abhorret sanguinem; къ сожалѣнію костры, инквизиціи ослѣпили самую церковь и заставили ее забыть свое собственное положеніе.

* * *

Въ разсужденіи о допустимости или недопустимости смертной казни нельзя установить общеобязательной точки зрѣнія. Не уходя въ высь метафизическихъ началъ, гдѣ принципъ уже теряетъ свое руководящее значеніе для жизни и становится религіознымъ божкомъ, требующимъ поклоненія, а не сознательной критики, невозможно установить такую точку зрѣнія, которая была бы обязательна для всего человѣчества, на какой бы стадіи развитія оно ни находилось. Такая задача была бы безплодна и практически безполезна. Этическія начала почерпаются не путемъ анализа дѣйствительности, не могущаго перейти отъ факта дѣйствительности къ оцѣнкѣ ея, а путемъ выясненія нашего отношенія къ явленіямъ существующаго; они знаменуютъ собою проблемму непосредственной практики, и какъ таковые, имѣютъ относительное для каждаго періода значеніе, обладающее большимъ или меньшимъ постоянствомъ въ зависимости отъ устойчивости или измѣнчивости окружающей насъ обстановки.

Въ современной литературѣ можно встрѣтить самые разнообразные доводы противъ смертной казни, каждый изъ которыхъ однако будетъ обязателенъ только при допущеніи опредѣленныхъ предпосылокъ. Указываютъ, что смертная казнь противорѣчитъ христіанству. Но этотъ аргументъ дѣйствителенъ только для тѣхъ, кто считаетъ себя связаннымъ догматами религіи и кто ставитъ эти догматы во главу всѣхъ правилъ поведенія.

Противъ смертной казни можно возражать съ точки зрѣнія опредѣленнаго этическаго міросозерцанія, но передъ тѣмъ нужно доказать всеобщее значеніе такого взгляда. Существуетъ, наконецъ, попытка отрицанія смертной казни, какъ мѣры противорѣчащей эстетическому чувству гармоніи и красоты, какъ мѣры, представляющей собою зрѣлище отвратительное и гадкое. Такая точка зрѣнія часто встрѣчается въ художественной литературѣ.

Всѣ эти взгляды часто вполнѣ послѣдовательно проводятъ свое отрицательное отношеніе къ смертной казни, но общимъ ихъ недостаткомъ является невозможность для нихъ доказать общеобязательность своей точки зрѣнія и необходимость ея для современнаго государства. Если каждая оцѣнка: нравственная, эстетическая, религіозная не могутъ претендовать на безусловное значеніе, то недоказано, почему государство должно съ ними считаться, почему оно не можетъ ставить выше свои грубые интересы, требующіе примѣненія смертной казни.

Безсильны равнымъ образомъ и попытки правового отрицанія смертной казни, пытающіяся изъ самаго существа государственнаго союза вывести незаконномѣрность казни. Ссылки на воображаемый договоръ, на неотчуждаемыя права, естественную справедливость и пр. не могутъ составить препятствія для государственной власти, которая съ помощью принужденія возводитъ на степень права любыя нормы и нисколько не считается съ тѣмъ, противорѣчатъ или нѣтъ эти нормы правосознанію гражданъ, если только онѣ вызываются государственной необходимостью.

Единственно правильной позиціей въ данномъ вопросѣ являлась бы точка зрѣнія государственной политики. Эта точка зрѣнія не имѣетъ всеобщаго значенія, она не приводитъ къ отрицанію допустимости лишенія жизни вообще, а имѣетъ въ виду лишь государство, какъ органъ, примѣняющій казни. Она вполнѣ пригодна для рѣшенія вопроса о примѣненіи смертной казни въ качествѣ предписываемаго государствомъ наказанія за нѣко-

торыя преступленія. Вопросъ сводится къ тому, по какимъ основаніямъ государство не должно карать смертью?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ характера государственной власти на опредѣленной стадіи. Еще въ началѣ и въ серединѣ XIX вѣка на государство смотрѣли какъ на исключительнаго охранителя существующихъ правъ и благъ, рисуя себѣ идеалъ государства—ночного сторожа. При такомъ взглядѣ смертная казнь, какъ средство обороны отъ преступныхъ посягательствъ, могла отрицаться только съ точки зрѣнія уголовно-утилитарной. Указывалось, что она въ качествѣ мѣры наказанія неустрашительна, невозвратима, неиндивидуальна, обладаетъ рядомъ техническихъ недостатковъ, какъ недѣлимостью, неравенствомъ и пр. Словомъ указывалось, что она непригодна для цѣли охраны общества и эта послѣдняя можетъ съ большимъ удобствомъ быть достигаема мѣрами лишенія свободы. Это утилитарно-политическое отрицаніе смертной казни сыграло свою роль, устранивъ смертную казнь за рядъ преступленій, усиливъ гарантіи при примѣненіи ея, устранивъ публичность ея. Но оно не въ состояніи было подняться до степени отрицанія смертной казни какъ мѣры государственной политики, такъ какъ самый вопросъ о дѣйствительности или недѣйствительности смертной казни въ смыслѣ репрессіи преступленій не былъ рѣшенъ вполнѣ окончательно.

Необычный ростъ государственной власти съ половины XIX вѣка, начавшійся главнымъ образомъ вслѣдствіе установленія представительныхъ учрежденій въ Европѣ, приводитъ къ чрезвычайному усложненію функцій власти. Государство становится руководителемъ хозяйственной жизни страны, примиряетъ классовыя противорѣчія, во много разъ увеличиваетъ заботы объ умственномъ и моральномъ усовершенствованіи населенія. Въ связи съ этимъ необычайно усложняется и правовая жизнь. Требуемое государствомъ поведеніе уже не ограничивается элементарными

дѣйствіями, а представляется порою сложною комбинаціею актовъ, стоящихъ на высокомъ моральномъ уровнѣ. Уже не все право можетъ быть правомъ санкціонированнымъ, ибо не повсюду можетъ проникнуть принужденіе. Наоборотъ, значительныя области его покоятся на свободномъ этическомъ сознаніи гражданъ. Это свободное этическое сознаніе, составляющее фундаментъ всей правовой системы культурно-развитаго государства, является силой, необычайно цѣнной для дальнѣйшаго роста, и разумная государственная политика должна состоять въ укрѣпленіи и и развитіи его. Наоборотъ, внесеніе государствомъ въ народную психику элементовъ этическаго гніенія, нормъ, понижающихъ этическій уровень, должно губительно отражаться на дальнѣйшемъ прогрессѣ государства и общества. Поэтому для современнаго государства возникаетъ проблема уваженія къ личности, поддержанія общественной этики на должной высотѣ, устраненія всего развращающаго послѣднюю, такъ какъ въ противномъ случаѣ само государство будетъ подтачивать свои жизненныя силы.

Смертная казнь въ современномъ государствѣ и является такимъ гнилостнымъ явленіемъ, отравляющимъ народную психику. Основанная на крайнемъ пренебреженіи къ человѣческой личности, приносимой въ жертву охранѣ конкретныхъ благъ, разжигающая грубые инстинкты и дающая торжество низкимъ сторонамъ человѣческой природы, она, въ случаѣ частаго примѣненія, способна на многіе годы заглушить высокое этическое чувство населенія. Замѣняя мотивы уваженія при повиновеніи законамъ мотивами страха и трепета, она не позволяетъ добывать отъ гражданъ поведеніе высокаго типа, ибо трусливый рабъ не можетъ свершить того, что въ состояніи сдѣлать свободный гражданинъ. Строя благополучіе настоящаго на подтачиваніи ростковъ будущаго, она всегда ослабляетъ государство, дѣлая его менѣе способнымъ къ культурному развитію. Не съ уголовно-

политической, а съ государственно-политической точки зрѣнія, поэтому, должна быть отвергаема смертная казнь. Она непригодна не потому, что не достигаетъ своей цѣли какъ наказаніе, а вслѣдствіе того, что мѣшаетъ культурному росту государства, забота о которомъ составляетъ первую обязанность разумной власти.

Фактически мы видимъ, что вопросъ о смертной казни давно вышелъ за предѣлы уголовнаго права и сталъ вопросомъ государственной политики. Назначеніе и исполненіе смертной казни есть уже не столько дѣло суда, сколько дѣло органовъ, руководящихъ политическою жизнью страны. Судъ только высказывается первымъ, но за нимъ обязательно долженъ раздаться голосъ правительства и голосъ верховной власти, желающей или нежелающей примѣнить право помилованія. Во всѣхъ странахъ Запада каждый актъ приведенія смертной казни въ исполненіе становится дѣломъ политики, по которому высказывается общественное мнѣніе, парламентъ, министерство. Въ странахъ, гдѣ смертная казнь примѣняется зависимыми отъ власти военными судами, гдѣ примѣненіе ея зависитъ отъ объявленія исключительнаго положенія, отъ передачи соотвѣтственнаго дѣла въ военный судъ, отъ конфирмаціи главнокомандующаго,—тамъ это значеніе казни, какъ мѣры чисто государственной политики, а не мѣры карательнаго возмездія со стороны безпристрастнаго закона, еще болѣе усиливается.

А если примѣненіе казней есть мѣра государственной политики, то мы вправѣ спросить, какими основаніями руководится государство въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Жизнь намъ подсказываетъ здѣсь только одинъ отвѣтъ: примѣненіе казней — это демонстрація силы въ рукахъ фактически слабой государственной власти. Если правительство признаетъ, что оно не можетъ предупредить преступности иными средствами, кромѣ казней, то этимъ оно указываетъ, что оно потеряло вся-

кое руководящее значеніе въ народной жизни, что силы, творящія правопорядокъ и двигающія развитіе государства, не оказываютъ ему достаточной поддержки. Если казни признаются мѣрой успокоенія, то это значитъ, что правительство видитъ это успокоеніе въ установленіи застоя, такъ какъ дѣйствіе болѣе глубокихъ факторовъ броженія не можетъ быть пріостановлено смертными казнями. Висѣлица или топоръ устраняютъ лишь то, что выходитъ виднѣе другихъ на поверхность, оставляя все ту же пучину внутри. Можно многое сказать, оцѣнивая смертную казнь какъ мѣру государственой политики. Наша задача исчерпывается лишь тѣмъ, что мы намѣтили эту точку зрѣнія какъ единственно правильную при разсмотрѣніи вопроса о смертной казни въ современномъ государствѣ. И исторія вопроса о смертной казни въ Россіи за послѣдніе годы показываетъ, что эта точка зрѣнія являлась все время доминирующей. Каждая эпоха вноситъ свою точку зрѣнія на смертную казнь. Изчезнутъ остатки государственной косности и старины, ослабнетъ принудительный характеръ государственной власти, и этическіе моменты въ отрицаніи смертной казни выдвинутся еще сильнѣе. Воспоминаніе о казняхъ покажется столь же мрачнымъ для грядущихъ потомковъ, какъ нынѣ мрачныя страницы средневѣковыхъ пытокъ и мучительствъ, и стыдно будетъ потомкамъ за тѣхъ, кто дѣлалъ висѣлицы однимъ изъ атрибутовъ государственнаго правосудія.

П. Люблинскій.

Приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго Университета.

* * *

Не отрицая огромнаго значенія уголовно-политической точки зрѣнія при разрѣшеніи вопроса о смертной казни, вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что и въ наукѣ, и въ законодательныхъ собраніяхъ она должна быть настойчиво выдвигаема, я, однако, полагаю, что въ настоящее время вопросъ долженъ быть переставленъ на этическую почву. Нужно сознать, что помимо соображеній философскаго и уголовно-политическаго характера, говорящихъ съ полной убѣдительностію противъ смертной казни, ея этическая недопустимость имѣетъ безпорное и рѣшающее значеніе.

Еще въ концѣ XVIII вѣка вполнѣ возможны были споры о цѣлесообразности пытки, какъ вѣрнѣйшаго средства отысканія истины въ уголовномъ процессѣ. Извѣстный криминалистъ Muyart de Vouglans въ 1767 г. доказывалъ, что на одного невиннаго, подвергнутаго въ теченіе ста лѣтъ пыткамъ, приходятся тысячи такихъ, которые безъ примѣненія этого средства остались бы безнаказанны, совершивъ тяжкія преступленія; что пытка должна быть сохранена потому, что еще не придумано въ замѣну ея достаточно дѣйствительнаго и подходящаго средства; наконецъ, онъ ссылался на древность и общераспространенность пытки.

Возможно ли себѣ представить, чтобы теперь кто-нибудь огласился принять споръ на этой почвѣ и доказывать, что

пытка—плохое, нецѣлесообразное процессуальное средство? Если еще Александръ I провозгласилъ, что самое выраженіе пытки, «стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее», должно быть навсегда изгнано изъ памяти народной, то для людей XIX и XX вѣковъ показалось бы совершенно нелѣпымъ спорить съ Muyart de Vouglans о процессуальныхъ достоинствахъ пытки. Разъ въ общественное сознаніе вошло и прочно въ немъ укоренилось представленіе объ этической недопустимости пытки, выраженной въ прекрасныхъ словахъ императора Александра I, всякій споръ о цѣлесообразности, о правѣ на примѣненіе пытки,—утрачиваетъ свой смыслъ.

Другой примѣръ — крѣпостное право, институтъ рабства вообще.

Разъ люди поняли, что обращеніе одного человѣка въ собственность другого этически недопустимо, споръ о достоинствахъ или недостаткахъ крѣпостного права можетъ имѣть лишь академическое, историческое значеніе.

Въ теченіе XIX вѣка этика культурнаго человѣчества отвергла квалифицированные виды смертной казни, а также увѣчащія тѣлесныя наказанія,—и мы теперь посмотрѣли бы на того, кто вздумалъ бы требовать возвращенія къ колесованію, къ залитію горла оловомъ и т. п.—какъ на сумасшедшаго, какъ на нравственнаго урода.

Къ вопросу о смертной казни слѣдуетъ подойти съ этой этической точки зрѣнія, которая должна господствовать надъ всякими соображеніями о цѣлесообразности, отодвигая ихъ на задній планъ. Отвѣтъ слѣдуетъ искать не только и не столько въ соображеніяхъ разума, а прежде всего въ велѣніяхъ и запретахъ совѣсти. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, мы скажемъ, что споръ о томъ, устрашаетъ ли, или не устрашаетъ смертная казнь долженъ имѣть также мало значенія, какъ аналогичный споръ о пыткѣ или объ увѣчащихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Съ

этой же точки зрѣнія, если бы даже удалось добиться полнаго устраненія судебныхъ ошибокъ, если бы юстиція стала непогрѣшимой, это бы не прибавило ни іоты въ пользу смертной казни, ибо не заглушило бы протеста нравственнаго чувства.

Сознаніе же этической недопустимости смертной казни достигается не столько логическими разсужденіями, сколько апеллированіемъ къ этому нравственному чувству, къ совѣсти культурнаго человѣчества.

Первый изъ ораторовъ, говорившихъ во французской палатѣ по вопросу о смертной казни, сдѣлалъ одно любопытное указаніе. Онъ сослался на анкету, сдѣланную однимъ изъ его коллегъ среди французской магистратуры. Анкета эта показала, что всѣ тѣ, которые отрицательно относятся къ смертной казни, бывали свидѣтелями ея приведенія въ исполненіе, и наоборотъ, ни одинъ изъ ея защитниковъ никогда не присутствовалъ при ней. Это наглядный примѣръ того, какъ нравственное чувство можетъ быть разбужено непосредственнымъ воспріятіемъ.

Цѣлый рядъ признаковъ свидѣтельствуетъ объ истинномъ отношеніи этого нравственнаго чувства, не заглушеннаго вѣковою тяжестью традиціонныхъ предразсудковъ, обывательскимъ равнодушіемъ, человѣконенавистническими внушеніями. Въ былое время смертная казнь отправлялась публично, въ праздничные дни, на глазахъ массы народа, съ пышной торжественностью. Теперь вся обстановка свидѣтельствуетъ о томъ, что творится ужасное и отвратительное дѣло. Присутствіе при исполненіи казни для лицъ обязанныхъ—тяжелое, зачастую невыносимое испытаніе. Извѣстны случаи душевной болѣзни, развившейся у такихъ невольныхъ свидѣтелей, подъ вліяніемъ впечатлѣній на мѣстѣ казни.

Инстинктивный протестъ нравственнаго чувства сказывается и въ отношеніи къ палачамъ. У насъ въ Россіи палачъ никогда не былъ оффиціальнымъ лицомъ, и въ нашей государственной

росписи мы тщетно стали бы искать тѣ кредиты, которые были вычеркнуты изъ французскаго бюджета. Для выполненія смертныхъ приговоровъ власть должна прибѣгать къ услугамъ отвергнутыхъ людей, потерявшихъ послѣдній остатокъ нравственнаго чувства. Да и эти люди часто лишь доведя себя виномъ до почти полной невмѣняемости оказываются способными выполнить до конца свое дѣло...

Въ нашей русской литературѣ—не юридической, а художественной — эта именно сторона смертной казни выражена съ потрясающей силой и яркостью. Немного страницъ Тургенева («Казнь Тропмана»), Толстого (разсказъ Крыльцова въ «Воскресеніи»), Достоевскаго (разсказъ князя Мышкина въ «Идіотѣ») убѣдительнѣе и неотразимѣе тысячи ученыхъ сочиненій и столбцовъ статистическихъ цифръ. Онѣ не доказываютъ, онѣ—показываютъ, въ этомъ ихъ сила. Съ ними нельзя спорить: можно только зажать уши и зажмурить глаза...

Вотъ въ какомъ направленіи желательна и плодотворна дальнѣйшая борьба. Пусть не возражаютъ, что она такимъ образомъ переносится въ область чувства, разсчитываетъ бить по нервамъ, тогда какъ и чувства и нервы притуплены. Апеллируя къ этикѣ, стремясь будить дремлющій голосъ совѣсти—мы служимъ высшимъ задачамъ человѣчества.

Болѣе, чѣмъ когда-либо, теперь въ Россіи нужны великія усилія въ этомъ направленіи.

Аболиціонисты XIX вѣка, для болѣе успѣшной борьбы противъ смертной казни, вывели вопросъ изъ области абстрактныхъ философствованій и, поставивъ смертную казнь на уровнѣ прочихъ наказаній, доказали ея уголовно-политическую несостоятельность. Настало время для новаго фазиса: смертная казнь должна быть вновь выведена вонъ изъ общей системы карательныхъ мѣръ, во имя требованій этики. Во имя этихъ требованій долженъ быть предъявленъ отводъ противъ уголовно-по-

литическаго спора. Смертная казнь не можетъ болѣе признаваться мѣрой правосудія: она лишь остатокъ стараго варварства, пятно на человѣчествѣ, «стыдъ и укоризну» ему наносящее.

Задача современныхъ аболиціонистовъ заразить все общество духомъ омерзѣнія и ужаса передъ этимъ варварствомъ, добиться того, что оно въ общественномъ сознаніи будетъ заклеймено.

Какъ рабство, какъ пытка, какъ увѣчащія наказанія, смертная казнь будетъ изгнана изъ законодательства не теоретическими только разсужденіями, а немолчнымъ, все растущимъ и всѣхъ охватывающимъ протестомъ возмущеннаго нравственнаго чувства.

Влад. Набоковъ

* * *

Умирающій естественною смертью часто не сознаетъ своего опаснаго положенія, иногда даже не можетъ сознавать его; обыкновенно онъ не лишенъ хотя самой слабой надежды на выздоровленіе, или впадаетъ въ безпамятство. Погибающій въ сраженіи, жертвующій собой, самоубійца захватываются сильнымъ порывомъ чувства. Даже насильственая смерть, по крайней мѣрѣ, не длится долго и тоже бываетъ неожиданной. Все это сколько-нибудь облегчаетъ конецъ. Только плаха не даетъ никакой пощады. Приговоренный къ смерти поставленъ прямо предъ лицомъ ея, не находитъ никакого забвенія въ другихъ мысляхъ или чувствахъ, и медленно умерщвляется въ растянутой процедурѣ казни.

Ужасна участь казнимаго! Но и положеніе казнящаго отвратительно. Преступникъ-убійца пылаетъ враждой, или старается поднять въ себѣ эти чувства, наконецъ подкрѣпляется алкоголемъ.

Судья и общество не могутъ питать никакой вражды къ осужденному въ моментъ казни и должны равнодушно убивать ближняго. Почему все это такъ мало сознается? Какъ система блоковъ помогаетъ поднимать огромныя тяжести, такъ безличность уголовнаго правосудія, посредственное участіе въ казни, сокрытіе ея отъ глазъ общества — дѣлаютъ незамѣтнымъ весь ужасъ плахи. Отъ этого, однако, идущему на казнь нисколько не легче. И нужно имѣть очень сильные доводы, чтобы оправ-

дать такую исключительную мѣру. Для прошлаго времени ихъ еще можно подыскать. Грубость нравовъ, безсиліе власти въ борьбѣ съ преступностью. Тогда государству приходилось чуть не воевать съ преступникомъ, и смертная казнь, положенная почти за всѣ преступленія, дѣйствительно могла имѣть устрашающее значеніе. Теперь и нравы не тѣ, и государство сильнѣе, и казнь— за немногія преступленія.

Положеніе совсѣмъ другое.

Наука уголовнаго права давно и рѣшительно высказалась противъ смертной казни, и было бы скучно повторять ея доводы. Только школа антропологовъ-криминалистовъ какъ будто ничего не имѣетъ противъ плахи, уча о прирожденномъ преступникѣ. Строго говоря, признаніе прирожденной преступности еще не доводъ въ пользу истребленія преступника. Почему же непремѣнно истребленіе, а не другія средства охраны общества отъ опасныхъ лицъ? Тутъ надо привести какое-нибудь другое соображеніе. Оно и было приведено въ указаніи на законъ естественнаго подбора, который слѣдуетъ искусственно проводить въ обществѣ (Garofalo). Въ природѣ, — царствѣ растительномъ и животномъ,—слабые и неприспособленные къ жизни организмы погибаютъ въ борьбѣ съ сильными. Тоже должно быть и въ обществѣ. Преступникъ — человѣкъ недостаточный, неприспособленный къ нашей жизни; онъ долженъ погибнуть. Странное предложеніе! Такъ, вѣдь, придется истреблять всѣхъ слабыхъ и безпомощныхъ (не одного преступника), а это непремѣнно отразится и на уровнѣ развитія самого истребителя. И чтобы повысить культурность общества, мы, стало быть, должны понизить культуру, союзъ обратить въ стадо животныхъ?!

Но и сама мысль о прирожденномъ преступникѣ едва ли основательна. Она незамѣтно зародилась на почвѣ переоцѣнки зла преступленія. Преступникъ—чудовище; онъ отличается этимъ отъ всѣхъ людей. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Атавизмомъ,

вырожденіемъ и т. д. Прежде чѣмъ объяснять, слѣдовало бы, однако, провѣрить, не ошибочна ли первая мысль, широко распространенная и въ массахъ. Если оглянуться вокругъ, присмотрѣться къ многому, что творится въ жизни, придется смягчить наше отношеніе къ осужденному: во всякомъ обществѣ достаточно негодяевъ, и преступникъ не первый изъ нихъ. Разъ это такъ, нечего искать прирожденной преступности, а лучше подумать объ условномъ значеніи зла преступленія. И наука уголовнаго права давно исполнила это. Еще просвѣтительная литература 18 ст. ярко оттѣнила всю условность,—лишь относительную вѣрность и справедливость,— запретовъ уголовнаго закона. Она же осудила смертную казнь и потребовала общаго смягченія наказанія. Ея завѣты сильны понынѣ. И тотъ, кто чувствуетъ могущество жизни, сравнительное ничтожество въ ней человѣка, скажетъ съ нами: поменьше уголовнаго права, а въ немъ—побольше мягкости и пощады!

25 фев. 1909 г. А. Киселевъ.

Профессоръ Харьковскаго Университета.

* * *

Въ пользу сохраненія смертной казни въ числѣ наказаній не существуетъ никакихъ разумныхъ основаній. Едва ли есть надобность здѣсь опровергать доводы защитниковъ смертной казни, сводящіеся къ тому, что это—единственное наказаніе, безусловно обезпечивающее общество отъ опасныхъ преступниковъ, что оно наилучшимъ образомъ достигаетъ цѣлей общей превенціи, дѣйствуя устрашающе на лицъ съ преступными наклонностями, что, наконецъ, смерть является единственнымъ справедливымъ воздаяніемъ за наиболѣе тяжкія преступленія. Доводы эти всесторонне разобраны и блистательно опровергнуты въ обширной научной литературѣ по этому вопросу. И тѣмъ не менѣе смертная казнь продолжаетъ существовать въ кодексахъ, продолжаетъ примѣняться на практикѣ... Временами исполненіе казней какъ бы замираетъ, сводится къ единичнымъ случаямъ въ теченіе десятилѣтій, временами эпидемія казней вспыхиваетъ съ новою силою, насчитывая сотни жертвъ въ теченіе года. Въ однѣхъ мѣстахъ правительство, въ другихъ законодательныя собранія, въ третьихъ широкіе общественные круги настойчиво стремятся къ отмѣнѣ смертной казни, но въ то мгновеніе, когда многолѣтнія благородныя усилія, казалось, должны увѣнчаться успѣхомъ, или у отвѣтственныхъ руководителей страны не хватаетъ рѣшимости на этотъ шагъ, или отливъ общественной волны доставляетъ торжество враждебнымъ теченіямъ. Въ чемъ

здѣсь дѣло? Что это за невидимая сила, которая, разсудку вопреки, поддерживаетъ въ современномъ обществѣ смертную казнь, этотъ остатокъ средневѣковаго варварства?

Имя этой силы—предразсудокъ. Да, смертная казнь покоится на кровавомъ предразсудкѣ, что только угроза смертью способна оградить общество отъ преступныхъ посягательствъ. Напрасно ученые приводятъ несомнѣнныя доказательства тому, что введеніе смертной казни за извѣстныя преступленія не уменьшаетъ, а отмѣна ея не увеличиваетъ ихъ число, напрасно передаютъ удостовѣренные очевидцами случаи совершенія у подножья эшафота тѣхъ самыхъ преступленій, за которыя совершалась казнь, напрасно указываютъ на огрубѣніе нравовъ, на обезцѣненіе человѣческой жизни, какъ результатъ примѣненія смертной казни и новый источникъ преступленій. Суевѣріе мало доступно доводамъ разума, ибо суевѣръ отвѣчаетъ: credo, quia absurdum. По этому аболиціонистамъ нельзя успокаиваться на томъ, что несостоятельность смертной казни какъ наказанія научно доказана.

На вершинахъ знанія побѣда одержана, но складывать оружіе еще рано. Необходимо перенести театръ войны на общественныя равнины и, можетъ быть, даже низины и отъ политическихъ споровъ перейти къ широкой популяризаціи идеи о вредѣ и ужасѣ смертной казни, къ перевоспитанію массъ. По этому пути ранѣе криминалистовъ пошли поэты, ходожники слова. Яркими, незабываемыми красками они рисовали душевныя муки приговоренныхъ къ смерти, развращающее вліяніе казни на толпу, тягостное состояніе оффиціальныхъ ея свидѣтелей. Пусть же и спеціалисты по уголовному праву, юристы теоретики и практики, дружно присоединятъ свои голоса къ голосамъ беллетристовъ и поэтовъ, пусть они безъ устали твердятъ и повторяютъ въ доступной всѣмъ формѣ о ненужности, вредѣ, растлѣвающемъ вліяніи смертной казни. Какъ ни стоекъ пред-

разсудокъ, но и онъ долженъ уступить подъ непрерывнымъ напоромъ идей и образовъ, обращающихся къ разуму и чувству. Капля по каплѣ истина должна просочиться въ самое темное, въ самое инертное сознаніе. Gutta lapidem cavat. А когда убѣжденіе въ недопустимости казни перейдетъ изъ ученыхъ кабинетовъ на улицы и площади, дни ея будутъ сочтены, ибо если законодатель рѣдко беретъ на себя роль воспитателя народа, онъ никогда не въ состояніи долго противостоять опредѣлившимся народнымъ убѣжденіямъ.

Л. Тауберъ.

Приватъ-доцентъ Харьковскаго Университета.

А. А. Піонтковскій, профессоръ Казанскаго Университета. Смертная казнь въ Европѣ. Казань. 1908 г. 106—109, 121.

Не въ пользу казни и ея превентивнаго значенія говорятъ и массовыя статистическія наблюденія.

Въ Тосканѣ казнь, какъ извѣстно, неоднократно то отмѣнялась, то вводилась. По свидѣтельству Митермайера [1]), наблюденія оффиціальнаго характера показали, что во время отмѣны казни число преступленій, подлежавшихъ этому наказанію, не возрасло. Точно также фактическое непримѣненіе казни въ Швеціи, какъ указываетъ D'Olivecrona [2]), усиленіемъ тяжкой преступности не сопровождалось. Равнымъ образомъ, окончательная отмѣна смертной казни въ Италіи не повлекла за собою увеличенія числа тяжкихъ преступленій; такъ, до законодательной отмѣны казни, въ Италіи въ періодъ съ 1880—1886 г. среднее число ежегодно обнаруженныхъ убійствъ было 4692, въ періодъ съ 1887—1889 г.—4089, а послѣ 1890 года (времени окончательной отмѣны казни), оно не только не увеличилось, но даже нѣсколько уменьшилось и въ періодъ съ 1890—1892 г. достигало лишь 3993, въ періодъ съ 1893—1895 г. 4043 и въ 1896 году—3866 [3]).

Не менѣе характерны данныя, касающіяся Голландіи и Бельгіи.

---

[1]) Митермайеръ, Смертная казнь, 1864, стр. 87.

[2]) См. D'Olivecrona, Dela peine de mort, 1894 стр. 209.

[3]) См. Ferri. La sociologie criminelle, 1905, стр. 593.

Въ Голландіи казнь фактически перестала примѣняться съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, и это ея непримѣненіе не отразилось неблагопріятно на общественной безопасности, не повлекло за собой усиленіе тяжкой преступности. Съ 1811—1861 г. въ Голландіи было совершенно 102 казни, что составляло въ среднемъ двѣ казни ежегодно, и произнесено (въ этотъ же періодъ) 430 смертныхъ приговоровъ, что составляло 8 приговоровъ ежегодно, а съ 1861—1871 г. (періодъ фактическаго непремѣненія казни) было произнесено 82 смертныхъ приговоровъ, что составляло также въ среднемъ 8 приговоровъ ежегодно, какъ и въ предыдущемъ періодѣ; съ юридической же отмѣной казни, число присужденій къ пожизненному заключенію, замѣнившему собою казнь, выразилось въ слѣдующихъ цыфрахъ [1]):

ГОДЫ.	Число присужденныхъ къ пожизненному заключенію.	ГОДЫ.	Число присужденныхъ къ пожизненному заключенію.
1871	5	1879	1
1872	5	1880	1
1873	—	1881	—
1874	—	1882	—
1875	—	1883	2
1876	1	1884	2
1877	2	1885	2
1878	1		

И это неусиленіе роста тяжкой преступности въ Голландіи продолжается до нашихъ дней, носитъ прочный, устойчивый, неизмѣнный характеръ. По свидѣтельству профессора Van Hamel'я въ послѣдніе годы въ Голландіи присуждаютъ къ пожиз-

[1]) См. D'Olivecrona, Dela peine de mort, 1894, стр. 263.

ненному заключенію крайне рѣдко; такъ, въ 1902 и 1903 годахъ не было ни одного случая такого присужденія, въ 1904 г. былъ только одинъ случай [1]).

Въ Бельгіи казнь, какъ извѣстно, фактически не примѣняется съ 1863 года. Это ея непримѣненіе оказалось вполнѣ удачнымъ; оно не принесло никакого вреда ни общественной безопасности, ни военной дисциплинѣ, и не привело къ усиленію тяжкой преступности; въ періодъ, напр., съ 1841—1855 г. было произнесено 191 смертныхъ приговоровъ (и совершено 43 казни), а въ періодъ съ 1876—1890 г. было произнесено такихъ приговоровъ только 124 (и ни одинъ не былъ приведенъ въ исполненіе), несмотря на то, что къ этому времени населеніе Бельгіи возросло чуть ли не на 50% [2]).

Наконецъ, отмѣна смертной казни въ Румыніи и Португаліи также не повлекла за собою какихъ-либо неблагопріятныхъ въ смыслѣ усиленія преступности послѣдствій.

По словамъ ясскаго профессора Missir'a, данныя румынской уголовной статистики не даютъ никакихъ основаній предполагать, что отмѣна смертной казни въ Румыніи оказалась неудачной [3]).

Что же касается Португаліи, то уже черезъ тринадцать лѣтъ послѣ отмѣны смертной казни въ этой странѣ, въ 1880 году, оффиціально указывалось, что факты свидѣтельствуютъ о все

---

[1]) См. Revue pénitentiaire, № 4—5, 1907, стр. 457.

[2]) См. Francart, La peine de mort, Bulletin de L'Union Internationale de Droit Pénal, VII, 1898, стр. 45 и 16 Prins. Science pénale et Droit positif 1899, стр. 407.

Примѣч. Противоположное мнѣніе, выставляемо Гарофало (см. Garofalo, La criminologie, 1905, стр. 412) покоится на неточныхъ данныхъ, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

[3]) См. Die Strafgesetzgebung der Gegenwart in rechtsvergleichender Darstellung, I, 1894, стр. 344.

болѣе и болѣе прогрессирующемъ уменьшеніи тяжкихъ преступныхъ дѣяній, за которыя прежде, до отмѣны казни (до 1867 г.), полагалась казнь [1]).

Словомъ, нигдѣ непримѣненіе или окончательная отмѣна не влекли за собою усиленія роста тяжкой преступности, не сопровождались какими-либо вредными для дѣла борьбы съ преступностью послѣдствіями...

Въ періоды общественной смуты, въ виду охватывающаго массы нервнаго возбужденія, карательная угроза, какъ бы тяжка она ни была, становится пустымъ, ничего не значущимъ звукомъ [2]); она совершенно не достигаетъ слуха не только экзальтированныхъ фанатиковъ, но и простыхъ, сѣрыхъ обывателей, въ то же время въ эти періоды, въ виду лихорадочной дѣятельности всѣхъ органовъ управленія, уголовное правосудіе, volens—nolens, теряетъ необходимый для правильнаго функціонированія спокойный характеръ, вслѣдствіе чего возможность роковыхъ судебныхъ ошибокъ возрастаетъ, и опасность, связанная съ примѣненіемъ такихъ мѣръ, какъ казнь, усиливается [3]).

---

[1]) См. D'Olivecrona. De la peine de mort, 1894, стр. 261.

[2]) Ср. Holtzendorff. Das Verbrechen des Mordes und die Todesstrafe, 1875 стр. 75 и слѣд.

[3]) *Примѣчаніе.* Что касается примѣненія казни военно-уголовными законами, то слѣдуетъ замѣтить, что многіе изъ военно-уголовныхъ кодексовъ отъ услугъ казни въ мирное время отказались; примѣненіе казни прочно держится лишь въ военное время, находя, повидимому, для себя поддержку въ той обстановкѣ, которая создается войной.

Когда льются потоки крови, слагаютъ на полѣ брани свои головы тысячи лучшихъ гражданъ, можетъ-ли представлять какой-либо серьезный интересъ вопросъ о сохраненіи жизни преступнику, въ большинствѣ случаевъ, шпіону, измѣнніку и предателю?! Казнь въ этой окружающей обстановкѣ какъ будто не звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ, не поражаетъ этическаго чувства и не возмущаетъ: кругомъ, вѣдь, смерть и одна только смерть. Тѣмъ не менѣе, однако, усиливать окружающій ужасъ безъ над-

«Желѣзный принципъ».

При разрѣшеніи вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ институту смертной казни, необходимо, по мнѣнію автора настоящей замѣтки, принимать во вниманіе у насъ, въ Россіи, и нѣкоторыя спеціальныя условія русской дѣйствительности. Эти спеціальныя условія приводятъ къ тому, что примѣненіе смертной казни неизбѣжно соединяется у насъ съ примѣненіемъ одной своеобразной юридической идеи, — совершенно, казалось бы, недопустимой съ точки зрѣнія интересовъ правовой культуры страны.

Это — идея, родственная той, относительно которой Бекарія въ своей знаменитой книгѣ говоритъ слѣдующее: «у криминалистовъ свидѣтель заслуживаетъ тѣмъ болѣе довѣрія, чѣмъ безчеловѣчнѣе преступленіе. Вотъ — желѣзный принципъ, кото-

---

лежащей на то надобности нельзя признать цѣлесообразнымъ. Потребность въ гуманизаціи военнаго дѣла не можетъ быть признана праздной. Эта потребность противится допущенію и примѣненію казни даже и во время войны. Пока существуетъ возможность во время войны надлежащимъ образомъ изолировать преступниковъ, до тѣхъ поръ уничтожить ихъ никакихъ основаній не представляется; объ уничтоженіи ихъ, если и можно говорить, то только въ случаѣ крайней на то необходимости, при чемъ и то не въ видѣ акта правосудія, а въ видѣ простой расправы съ врагомъ.

Во всякомъ случаѣ, нельзя забывать, что поддерживать военную дисциплину страхомъ смерти среди солдатъ, для которыхъ боязнь смерти— преступленіе, рѣзко бьющее въ глаза противорѣчіе.

рый могъ быть установленъ только глупостью, преисполненной жестокости: in atrocissimis leviores conjecturae sufficiunt, et licet judici jura transgredi. Переведемъ это положеніе: ...при наиболѣе безчеловѣчныхъ преступленіяхъ, т.-е. при такихъ, которыя являются наименѣе вѣроятными, можно довольствоваться самыми слабыми уликами, а судьѣ разрѣшается выходить за предѣлы права. Подобныя нелѣпости, имѣющія мѣсто въ практикѣ законодательства, часто вызываются страхомъ... Законодатели, напуганные нѣсколькими безчеловѣчными и трудно доказуемыми преступленіями, считаютъ себя вынужденными переступить черезъ процессуальныя формы, установленныя самимъ же законодателемъ, и такимъ образомъ, поддаваясь то деспотическому нетерпѣнію, то женской боязливости, превращаютъ серьезное судопроизводство въ родъ игры, при которой главную роль играютъ случай и нечестность» [1]).

Между тѣмъ «желѣзнымъ принциномъ», о которомъ говоритъ Беккарія, и той юридической идеей, которая является у насъ неизбѣжной спутницей смертной казни, есть, правда, различіе. Но оно едва ли можетъ быть признано существеннымъ: согласно «желѣзному принципу», при разбирательствѣ дѣлъ о наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, можно довольствоваться — для постановленія обвинительнаго приговора — наименѣе удовлетворительными доказательствами, не соблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ формъ производства, установленныхъ для дѣлъ о менѣе тяжкихъ преступныхъ дѣяніяхъ; согласно же «желѣзной идеѣ», разбирательство дѣлъ о такихъ преступленіяхъ, за которыя грозитъ наиболѣе тяжкая кара, а именно смертная казнь, слѣдуетъ ввѣрять преимущественно наименѣе удовлетворительнымъ судамъ, рѣшающимъ дѣла безъ соблюденія цѣлаго ряда наиболѣе основныхъ изъ тѣхъ правилъ судопроизводства, которыя установлены

---

[1]) Cesare Beccaria, Dei delitti e delle pene Dei, S VIII, testimonii.

для разбирательства дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ, караемыхъ менѣе тяжкими наказаніями. Если это различіе и говоритъ въ чью-либо пользу, то, вѣроятно, скорѣе въ пользу «желѣзнаго принципа».

И вмѣстѣ съ тѣмъ данная идея является у насъ неизбѣжной спутницей смертной казни,—въ силу того неустранимаго обстоятельства, что учрежденія, дѣйствительно соблюдающія порядокъ, «серьезнаго судопроизводства», т.-е. суды съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, смертныхъ приговоровъ постановлять у насъ не станутъ. И вотъ — въ интересахъ дѣйствительнаго примѣненія смертной казни — приходится волей-неволей слѣдовать началу: in atrocissimis licet jura transgredi.

Дѣлу физическаго истребленія преступниковъ подобныя начала, конечно, содѣйствуютъ. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что смертные приговоры, соединенные съ примѣненіемъ «желѣзнаго принципа», съ желѣзной же неуклонностью истребляютъ у насъ и правовую культуру страны.

Государство имѣетъ, конечно, право и такъ поступать. Но это право — право на самоубійство.

Е. Синицкій.

Приватъ-доцентъ Димидовскаго Лицея.

Профессоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея. М. П. Чубинскій.

«... Не проходитъ, кажется, ни одной недѣли, ни одного дня безъ того, чтобы столбцы газетъ и журналовъ не принесли сообщеній о новыхъ смертныхъ приговорахъ и о новыхъ казняхъ, и конца этому мартирологу пока далеко еще не видно... Отдѣльные новые факты тонутъ на черномъ и кровавомъ фонѣ развернувшейся передъ нами картины... А между тѣмъ, если мы хотимъ говорить о наказаніи виновныхъ, а не объ истребленіи ихъ во что бы ни стало, если мы хотимъ, чтобы судъ имѣлъ право называть свою работу правосудіемъ, мы должны твердо сказать: при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ въ государствѣ, претендующемъ на титулъ культурнаго, нетерпима, практика казней, налагая махъ чрезвычайными судами, въ особенности, когда ихъ дѣятельность, какъ у насъ, выходитъ за предѣлы арміи и практикуется не на театрѣ войны, а на театрѣ гражданской жизни страны.

Говорить о смертной казни по существу и вступать въ полемику мы не будемъ, ибо указанная кара безповоротно осуждена исторіей и находится въ полномъ противорѣчіи съ умственнымъ, нравственнымъ и культурнымъ развитіемъ современнаго человѣчества. Эта кара повсемѣстно вымираетъ, но и тамъ, гдѣ

она сохраняется, какъ историческій пережитокъ, она обычно примѣняется къ худшимъ элементамъ преступнаго люда (звѣрскимъ убійцамъ и т. п.), тогда какъ у насъ на казнь посылаютъ главнымъ образомъ политическихъ преступниковъ, т. е. людей, которыхъ на пресмертный путь ведетъ идея, которыхъ въ одну эпоху казнятъ, а въ послѣдующую снабжаютъ нерѣдко именемъ героевъ и борцовъ за свободу.

Такое положеніе дѣлъ терпимо быть не можетъ, и смертная казнь должна быть безповоротно вычеркнута изъ нашего законодательства. Это непреложное требованіе науки, это дружное требованіе всего сознательнаго русскаго общества...» (стр. 85, 91 и 92 Сборникъ Прот. см. к.).

* * *

Выросшая на почвѣ соціальнаго неравенства смертная казнь, въ сущности говоря, не идетъ въ разрѣзъ съ современнымъ преисполненнымъ противорѣчій общественнымъ строемъ, а командующіе классы общества, въ рукахъ которыхъ находится судьба смертной казни, остаются еще глубоко проникнутыми слѣпой вѣрой въ спасительную силу страха и свои собственныя психическія переживанія ошибочно переносятъ на личность преступника.

Съ тѣмъ большимъ упорствомъ они цѣпляются за казнь, что въ большинствѣ случаевъ стоятъ далеко отъ реальной необходимости лично произносить, а тѣмъ болѣе лично приводить въ исполненіе смертные приговоры.

Только этимъ, мнѣ думается, можно объяснить, почему, несмотря ни на строго объективныя, полныя исчерпывающихъ доводовъ противъ смертной казни изслѣдованія, ни на пламенные призывы къ чувству гуманности благороднѣйшихъ представителей человѣческой мысли, смертная казнь этотъ ужаснѣйшій пережитокъ прошлаго, позорящій современное человѣчество, по прежнему продолжаетъ не только «увѣнчивать» карательныя системы, но и находитъ себѣ фактическое примѣненіе даже въ обычныхъ условіяхъ общественной жизни.

В. Ширяевъ.

Приватъ-доцентъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

* * *

Смертная казнь можетъ быть защищаема и дѣйствительно защищается въ настоящее время съ двухъ точекъ зрѣнія:

1) какъ необходимая мѣра устрашенія и 2) какъ мѣра истребленія неисправимыхъ преступниковъ, отъ которыхъ будто бы иначе нельзя защитить общество. О защитѣ ея, какъ мѣры возмездія, врядъ ли стоитъ упоминать, такъ какъ безпочвенность принципа возмездія и невозможность его практическаго осуществленія слишкомъ очевидны. Но и приведенные два аргумента, эти главные оплоты современной защиты этой варварской мѣры, не выдерживаютъ и самой слабой критики.

Несостоятельность перваго изъ нихъ была раскрыта уже писателями 18 вѣка, Монтескье, Беккаріей и др., учившими, что не жестокость, а неизбѣжность наказанія налагаетъ крѣпкую узду на преступленіе. Если наказаніе примѣняется постоянно, если безнаказанность составляетъ рѣдкое исключеніе и у гражданъ развито сознаніе неизбѣжной связи наказанія съ преступленіемъ, то съ помощью гуманныхъ карательныхъ мѣръ можно будетъ достигнуть всего, чего вообще можетъ достигнуть наказаніе въ смыслѣ предупрежденія преступленій; и съ помощью этихъ мѣръ — лучше, чѣмъ посредствомъ жестокихъ наказаній. Если же этого постоянства примѣненія и сознанія неизбѣжности нѣтъ, то безполезны всѣ жестокія наказанія, хоты бы были воскрешены всѣ ужасы средневѣковья.

Другой аргументъ, говорящій о неисправимыхъ преступникахъ, также не имѣетъ никакой силы. Надежныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы отличить и съ увѣренностью выдѣлить неисправимыхъ преступниковъ, (если бы таковые существовали) не установлено. Самая грандіозная попытка, сдѣланная въ этомъ направленіи итальянской антропологической школой, потерпѣла рѣшительное крушеніе. А пока не установлено признаковъ неисправимости, на которые съ увѣренностью можно было бы опереться на практикѣ, до тѣхъ поръ всѣ разсужденія о неисправимыхъ преступникахъ по меньшей мѣрѣ безплодны. Все равно, in concreto, по отношенію къ каждому преступнику мы должны допустить по крайней мѣрѣ сомнѣніе въ его неисправимости. А уже одно это сомнѣніе устранитъ возможность примѣненія мѣры, предназначенной для неисправимыхъ. In dubio mitius!

Неисправимыхъ преступниковъ нѣтъ, есть только неисправленные. Но если бы даже было доказано существованіе неисправимыхъ преступниковъ и указаны признаки, по которымъ послѣднихъ можно узнать, все-таки государство должно бы избрать иную мѣру обезвреженія ихъ, не наносящую обществу такого громаднаго моральнаго вреда.

Но если, такимъ образомъ, нѣтъ сколько-нибудь вѣскихъ аргументовъ въ пользу смертной казни, то за то имѣются въ изобиліи аргументы, рѣшительно говорящіе противъ нея.

Смертная казнь, прежде всего, есть мѣра глубоко безнравственная. Она представляетъ собою чисто животное отношеніе къ человѣку, при которомъ забывается и игнорируется вся нравственная личность наказуемаго, всѣ моральныя обязанности въ отношеніи его, между прочимъ, обязанность поднять его, если онъ палъ. Человѣкъ приравнивается вредному животному, его истребляютъ, даже не дѣлая попытки поднять. Самымъ грубымъ образомъ ему показываютъ, что онъ — ничто, что за нимъ не

признается никакой нравственной цѣнности. Уголовное правосудіе никогда не должно относиться такъ къ человѣку. Этическая недозволенность смертной казни внѣ всякихъ сомнѣній.

Смертная казнь слишкомъ жестока; состояніе человѣка, который знаетъ, что вотъ, въ извѣстный день и часъ онъ долженъ умереть, съ полнымъ правомъ можетъ быть названо нравственной пыткой.

Смертная казнь развращаетъ общество, тормозитъ развитіе въ немъ уваженія къ человѣческой личности, внушаетъ, поддерживаетъ и разжигаетъ наклонность къ насилію. По своимъ дѣйствіямъ на общество она должна считаться дѣятельнымъ факторомъ всѣхъ преступленій, въ составъ которыхъ входитъ насиліе надъ личностью.

Наконецъ, смертная казнь недѣлима и неотмѣнима.

Разсматриваемая съ исторической точки зрѣнія, смертная казнь является осколкомъ когда-то существовавшихъ варварскихъ карательныхъ системъ, построенныхъ по принципамъ устрашенія и возмездія. Системы эти были расшатаны уже въ концѣ XVIII вѣка, когда начался еще не законченный процессъ гуманизированія уголовнаго правосудія.

Смертная казнь является обрывкомъ когда-то существовавшаго порядка вещей, порядка, уже осужденнаго исторіей и похороненнаго. Конечно, можно только желать, чтобы этотъ позорный для современнаго человѣчества пережитокъ отошелъ въ область исторіи, куда отошли уже большинство видовъ этого наказанія (квалифицированная смертная казнь) и всѣ главные элементы того порядка, къ которому смертная казнь принадлежитъ, какъ часть, и съ которымъ она духовно связана воплощающимися въ ней идеями и стремленіями.

С. Познышевъ.

Профессоръ Московскаго Университета.

* * *

«Не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнетъ изъ уголовныхъ кодексовъ и для нашихъ потомковъ самый споръ о ея цѣлесообразности будетъ казаться столь же страннымъ, какимъ представляется теперь для насъ вопросъ о необходимости и справедливости колесованія или сожженія преступниковъ». Такое заключеніе сдѣлалъ нашъ маститый криминалистъ проф. Таганцевъ изъ фактовъ сокращенія числа теоретическихъ защитниковъ смертной казни, все большихъ и большихъ законодательныхъ ограниченій ея, чрезвычайнаго уменьшенія числа смертныхъ приговоровъ вообще и приговоровъ исполненныхъ — въ частности.

Оцѣнивая этотъ же прогрессъ и въ наукѣ и въ юридической практикѣ, Влад. Соловьевъ говорилъ: «дѣло можно считать рѣшеннымъ. Все болѣе и болѣе рѣдѣетъ еще недавно густая толпа защитниковъ, которую собралъ кругомъ себя ветхій полуистлѣвшій идолъ, еле держащійся на двухъ подбитыхъ глиняныхъ ногахъ: на теоріи возмездія и на теоріи устрашенія».

Въ 1902 г. проф. Таганцовъ снова повторилъ слово въ слово свое предсказаніе. А черезъ три, четыре года потокомъ полилась кровь казненныхъ и за послѣдніе два года убито на законномъ основаніи почти втрое больше числа верстовыхъ столбовъ отъ Москвы до Петербурга. Предсказаніе не сбылось. Гдѣ же ошибка? Предсказатели невѣрно ли оцѣнили факты и

произвольно заключили отъ нихъ къ будущему, или прогрессъ науки мнимый:—въ ея изысканіяхъ о смертной казни допущены логическія ошибки, подчеркиваемыя теперь кровавыми чернилами сухимъ учителемъ — жизнью? Нѣтъ, наука не виновата въ несбывшихся мечтахъ благородныхъ предсказателей. Въ теченіе 143 лѣтъ со времени изданія Dei delitti e delle pene Беккаріа она трудилась надъ разрѣшеніемъ проблемы неутомимо, честно, съ борьбой и сдѣлала все, чтобы разрушить эту «послѣднюю, важную позицію» варварскаго уголовнаго права. И, думается, новаго здѣсь сказать уже нечего. Просмотрите рѣчи въ нашей Государственной Думѣ, во французской палатѣ; — въ нихъ нѣтъ ничего, что не было бы уже сказано съ трибуны или въ печати. Въ области теоретической оцѣнки этого вида наказанія все измѣрено, взвѣшено и опредѣлено. Логика исчерпала свои средства и, тѣмъ не менѣе, смертная казнь продолжаетъ свое, очевидно, антилогическое существованіе. Не логика, слѣдовательно, является закономъ развитія и смерти этого «гнуснаго» учрежденія. Вотъ почему, между прочимъ, нельзя упрекать и нашихъ предсказателей за ихъ не сбывшіяся предсказанія: въ рукахъ ученаго и философа есть единственное средство познать и оцѣнить явленіе — логика. Но ей то и не поддается смертная казнь.

Въ своемъ классическомъ изслѣдованіи о ней покойный проф. А. Ф. Кистяковскій подчеркиваетъ, что смертная казнь до сихъ поръ сохраняется въ законахъ и въ практикѣ потому, что еще не угасли окончательно тѣ элементы и силы, которые ее создали и питаютъ. Каковы эти силы, — онъ съ полной опредѣленностью установилъ для времени, предшествующаго его работѣ. Это—рабство въ той или другой формѣ, привиллегіи меньшинства, усугубляемыя помилованіемъ, снисхожденіемъ судьи вслѣдствіе кастическаго пристрастія, господствомъ духовенства и т. д.,—словомъ, обобщая содержаніе изслѣдованія въ выраже-

ніяхъ самого же автора, тѣ учрежденія, которыя цѣнность жизни однихъ — меньшинства подымаютъ высоко, жизнь же другихъ— большинства цѣнятъ дешевле жизни кролика, зайца, голубя, куропатки. Такимъ учрежденіемъ у насъ, такъ сытно питающимъ смертную казнь въ 20 вѣкѣ, является государство въ русскомъ смыслѣ слова, т.-е. организованный союзъ 130.000 семействъ, для которыхъ остальные десятки милліоновъ людей — лишь питательное вещество и цѣнность этихъ людей опредѣляется не ихъ человѣческимъ достоинствомъ, но степенью ихъ питательности. Я не могу входить въ анализъ, простой по своей консистенціи, структуры этого государственнаго образованія; отмѣчу лишь, что для него характерны то равнодушіе, съ которымъ оно относится къ преступленіямъ въ средѣ этихъ милліоновъ людей, снисхожденіе къ преступленіямъ членовъ государства противъ послѣднихъ, и неутолимая жестокость за преступленія послѣднихъ противъ первыхъ, хотя эмблемой правосудія остается все та же Ѳемида, правда, безъ повязки на глазахъ. Но это усовершенствованіе необходимо, чтобы увѣреннѣе дѣйствовать тѣмъ, что замѣнило въ ея рукѣ вѣсы—висѣлицей. Но есть еще одна черта, чрезвычайно типическая,— это стремленіе присвоить себѣ «право», фактически впрочемъ осуществляемое, казнить людей безъ закона, безъ суда и безъ слѣдствія, т.-е. просто по встрѣтившейся надобности; таковъ по крайней мѣрѣ смыслъ рапорта варшавскаго генералъ-губернатора отъ 18 ноября 1906 г. за № 2627. Въ старой Франціи существовалъ законъ, каравшій смертью крестьянина за убійство зайца, кролика и т. д. въ господскомъ паркѣ. Жизнь человѣка была тамъ, слѣдовательно, равноцѣнна жизни этихъ животныхъ. Цѣна невысокая, но все-таки имѣлся эквивалентъ. У насъ пошли дальше: смертная казнь примѣнялась въ случаяхъ, неосязаемыхъ ни для гражданскаго, ни для военнаго прокурорскаго надзора; т.-е. цѣнность человѣческой жизни понизилась до нуля. Эта черта инте-

ресна потому, что свидѣтельствуетъ объ утратѣ государствомъ, въ русскомъ смыслѣ слова, сознанія о дозволенномъ и недозволенномъ въ нравственномъ отношеніи. Оно, слѣдовательно, аморально и въ этой аморальности заключается важный жизненный нервъ смертной казни.

Другой источникъ питающій ее, такой же богатый, какъ и первый, но болѣе печальный и угрожающій — это прогрессирующее пониженіе субъективной цѣнности жизни и чувства человѣческаго достоинства въ массѣ. Свидѣтельствъ этого факта много, но я укажу лишь на колоссальную эпидемію самоубійствъ, дающую еще болѣе грандіозный потокъ смертей, чѣмъ казнь. Si la vie humaine est plus respectée, c'est qu'elle a plus de force pour se faire respecter (Guizot. De la peine de mort.). Но какъ же человѣкъ можетъ заставить уважать свою жизнь, если онъ самъ ее не цѣнитъ? Причины этого явленія, конечно, сложны, но мнѣ кажется, онѣ не исчерпываются современной политической и экономической слабостью русскаго человѣка. Въ немъ самомъ есть недочетъ, убыль, и именно, идеализма; — единственное, что дѣлаетъ зоологическаго человѣка человѣкомъ — личностью, повышаетъ субъективную цѣнность жизни и даетъ ей силы «pour se faire respecter». Вотъ почему усилія друзей человѣчества должны быть направлены не на отысканіе новыхъ аргументовъ противъ смертной казни, но на поднятіе самосознанія и чувства человѣческаго достоинства въ массѣ: обществу, члены котораго умѣютъ только умирать, грозитъ худосочіе; а худосочіе представляетъ благодарную почву для болѣзненныхъ, часто смертельныхъ, процессовъ. Освободиться отъ нихъ можно только подъемомъ жизненныхъ силъ организма.

Евгеній Ефимовъ.

Приватъ-доцентъ Московскаго Университета.

С. И. Викторскій, приватъ-доцентъ Московскаго Университета. Полтава. 1906 г. стр. 19, 26—27.

(Спрашиваютъ), какъ не же примѣнять смертной казни къ революціонерамъ, когда они сами произносятъ смертные приговоры и приводятъ ихъ въ исполненіе. Пусть такъ, но всетаки подобное возражаніе не выдерживаетъ критики и просто смѣшно. Кто такое — революціонеры? Они съ точки зрѣнія существующаго государства и законовъ — только преступники, а могутъ ли преступники произносить какіе либо приговоры и приводить ихъ въ исполненіе? Тогда грабитель не совершаетъ грабежа, а приводитъ въ исполненіе свой приговоръ, коимъ онъ постановилъ ограбить такого то. Что фактически является возможнымъ для противниковъ существующаго строя, для революціонеровъ, то не допустимо для государства и ниже его достойнства: вѣдь, государство громадная сила, располагающая массою мѣстъ заключенія, всѣми средствами для обезопасенія себя отъ захваченныхъ имъ политическихъ преступниковъ.

Зачѣмъ же казнить ихъ?

Защитники смертной казни—не только нелѣпы, но и вредны. Вредны, потому что много недовольства и озлобленія вносятъ въ общество, служатъ не гуманитарнымъ цѣлямъ, а развитію темныхъ инстинктовъ толпы, разумное наказаніе превращаютъ въ актъ отвратительной мести и расшатываютъ авторитетъ власти.

Въ данномъ вопросѣ, какъ то должно быть и по другимъ, интересы и взгляды общества и власти солидарны. Какъ обще-

ство, такъ и власть, законодательство должны съ одобреніемъ отнестись лишь къ раціональнымъ, цѣлесообразнымъ мѣрамъ борьбы съ преступностью и рѣшительно отвергнуть тѣ наказанія, которыя ничего общаго не имѣютъ съ здравой и дальновидной политикою и ведутъ лишь къ безсмысленному пролитію крови. Кровь на войнѣ, кровь при усмиреніи безпорядковъ, кровь по судебнымъ приговорамъ—слишкомъ много крови; всѣ устали видѣть, читать, слышать о незаконныхъ и основанныхъ на законахъ кровопролитіяхъ, намъ нуженъ отдыхъ отъ всего этого, нужно спокойствіе, чтобъ наша страна шла впередъ по пути прогресса.

Всѣ мы знаемъ о томъ, какъ нервно живется намъ въ эти годины казней, какъ гибнутъ иные и неповинные, ибо быстрота производства по дѣламъ, заканчивающимся смертнымъ приговоромъ, неминуемо идетъ въ разрѣзъ съ полнотой изслѣдованія, особенно—если принять во вниманіе порядокъ обжалованія по такимъ дѣламъ; мы знаемъ и имена казненныхъ, ставшихъ теперь популярными, и какъ тяжело отзывались на насъ эти казни. Но я не буду распространяться о всемъ этомъ, желая сохранить серьезное, безъ примѣси страстности отношеніе къ темѣ. А потому закончу лишь слѣдующимъ пожеланіемъ: всѣ мы теперь—часть того русскаго общества, народа, который призванъ, наконецъ, къ правленію страной. Проникнемся же убѣжденіемъ, что смертная казнь нелѣпа и вредна, передадимъ это убѣжденіе тысячамъ другихъ, зорко станемъ слѣдить, чтобъ наши будущіе законодатели—члены Государственной Думы также прониклись этимъ убѣжденіемъ и—ненавистная намъ смертная казнь падетъ.

* * *

Мнѣніе мое о смертной казни, какъ о мѣрѣ уголовной репрессіи, допускаемой еще и въ настоящее время европейскими, а въ томъ числѣ и русскимъ, законодательствами, въ полной и высшей мѣрѣ отрицательное.

Нѣтъ той эпохи, того историческаго момента, тѣхъ, хотя бы совершенно исключительныхъ условій общественной жизни и положенія даннаго государства, которые могли бы хотя съ какой-либо стороны, въ какихъ-либо видахъ оправдать лишеніе жизни человѣка, назначаемое военными и гражданскими судами.

Насильственное лишеніе жизни человѣка во имя закона и справедливости содержитъ въ себѣ жестокое, отчаянное, ничѣмъ не разрѣшаемое противорѣчіе. И это чувствуется особенно сильно, съ невыразимою горечью и болью именно теперь у насъ въ Россіи, когда ежедневно приходится читать о приговорахъ къ смертной казни и объ исполненіи ихъ за разнообразныя преступленія какъ государственныя, такъ и общія, какъ-то: убійство, нанесенія ранъ и покушеніе на эти преступленія, поджоги, разбои и грабежи и когда починъ группы народныхъ представителей, внесшей въ третьей Государственной Думѣ проэктъ объ отмѣнѣ смертной казни, не встрѣтилъ одобренія большинства.

Года три тому назадъ мною была написана замѣтка о смертной казни, въ которой я указывалъ на то, что оставленіе со-

временными законодателями смертной казни въ уголовныхъ кодексахъ есть результатъ какъ бы гипноза историческаго прошлаго, давленіе на настоящее тысячелѣтіе государственной практики, неуступившей въ этомъ даже христіанскому ученію, считающей смертную казнь не только дозволительной для государства, но лучшимъ оружіемъ въ борьбѣ съ врагами его. Современный законодатель знаетъ что смертная казнь противна Божескимъ велѣніямъ и высшему нравственному закону, знаетъ по несомнѣннымъ даннымъ науки уголовнаго права, что угроза смертной казнью не удерживаетъ отъ совершенія караемыхъ ею преступленій, что она обезцѣниваетъ въ глазахъ общества человѣческую жизнь и развращающе дѣйствуетъ на населеніе (для уменьшенія этого зла казни теперь совершаются тайно, подъ покровомъ ночи, въ отсутствіи толпы) и все-таки не рѣшается разстаться съ этимъ варварскимъ, позорящимъ человѣчество, наказаніемъ.

Смертная казнь, т.-е. узаконенное убійство, противно духовной и физической природѣ нормальнаго человѣка, грѣховно съ точки зрѣнія церкви, не достигаетъ цѣли, страшно уже въ силу всегда возможныхъ и при наилучшей организаціи суда ошибокъ, непоправимыхъ въ данномъ случаѣ. Хотя все это сознавалось и даже было высказано редакціонной комиссіей, вырабатывавшей проектъ нашего новаго уголовнаго уложенія (1903 года), она, а за ней и Государственный Совѣтъ, оставили смертную казнь въ силѣ въ виду «политической стороны», какъ орудіе борьбы съ спеціальной преступностью и во времена народныхъ смутъ и политической борьбы.

Между тѣмъ это соображеніе невѣрно, ибо, какъ показываетъ уголовная статистика, смертная казнь не уменьшаетъ политическихъ преступленій, частью даже вызываетъ ихъ, создавая идею мученичества и геройства, а затѣмъ безусловное зло, какимъ является лишеніе жизни человѣка никогда и ни при какихъ ус-

ловіяхъ не можетъ стать добромъ, и разъ государство осуждаетъ и считаетъ преступнымъ убійство, оно уже не можетъ, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой, примѣнять его. Жестокій законъ таліона, нѣкогда господствовавшій во всѣхъ странахъ, не признается болѣе нигдѣ и государство за поджогъ не наказываетъ виновнаго, сожженіемъ его имущества, не увѣчитъ нанесшаго рану. Единственнымъ и тѣмъ болѣе непонятнымъ исключеніемъ остается смертная казнь, противъ которой, казалось бы, и камни должны бы вопіять.

Всѣ эти соображенія, высказанныя нѣсколько лѣтъ назадъ остаются для меня и теперь въ той же силѣ, при чемъ жестокость и безцѣльность смертной казни подкрѣпилась еще опытомъ прошедшихъ лѣтъ.

Н. В. Давыдовъ.

Приватъ-доцентъ Московскаго университета.

Прив-доц. Московскаго Университета Н. Н. Полянскій, *докладывая послѣднему съѣзду русской группы международнаго союза криминалистовъ „о государственныхъ преступленіяхъ по уголовному уложенію", коснувшись вопроса о смертной казни, сказалъ:*

Я не стану, обращаясь къ криминалистамъ, приводить доказательства того, что смертная казнь — убійство и даже хуже убійства, что она понижаетъ уровень «національной души», по выраженію Ферри, что она «измѣна христіанству», какъ ее назвалъ историкъ Соловьевъ, что и легіоны палачей, какъ объ этомъ краснорѣчиво писалъ одинъ изъ составителей уголовнаго уложенія, не въ силахъ ни умертвить безсмертную идею, ни остановить ея тріумфальнаго шествія. Все это—столько же житейскія истины, сколько трюизмы науки уголовнаго права. Но, памятуя слова нашего философа, при имени котораго глазамъ невольно рисуется скорбный образъ удивительной чистоты и кристальной прозрачности, ибо имя это—имя Владиміра Соловьева, — памятуя его слова: «пока (смертная казнь) этотъ остатокъ варварства не исчезъ совсѣмъ изъ законодательства и юридической практики большинства европейскихъ странъ, нельзя оставлять общественное сознаніе безъ постояннаго напоминанія объ этомъ тягущемъ позорѣ», я думаю, что VI съѣздъ русской группы международнаго союза криминалистовъ долженъ подтвердить въ отношеніи къ государственнымъ преступленіямъ приговоръ надъ смертною казнью, уже вынесеный V съѣздомъ[1]).

---

[1]) Текстъ резолюцій, принятыхъ 5-ымъ и 6-ымъ общими собраніями русской группы международнаго союза криминалистовъ по вопросу о смертной казни, приведенъ ниже; см. стр. 107.

Духовской М. В., профессоръ Московскаго университета (†) сдѣлалъ 29 янв. 1879 г. Московскому Юридическому Обществу докладъ на тему: «*Смертная казнь съ точки зрѣнія раціональнаго ученія о наказаніяхъ*», въ которомъ развивалъ слѣдующіе тезисы:

1) Смертная казнь не только не имѣетъ устрашительнаго характера, но и противна идеѣ исправленія, признанной въ настоящее время за главнѣйшую цѣль уголовныхъ наказаній. Возраженіе, что ею казнятъ злодѣевъ, неспособныхъ къ исправленію, не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ тюрьмовѣды не допускаютъ таковыхъ.

2) Смертная казнь недѣлима и лишаетъ возможности согласовать наказаніе со степенью внутренней виновности подсудимаго.

3) Она противна нравственному чувству общества; а между тѣмъ недостойно государства употреблять мѣры, которыя возбуждаютъ отвращеніе въ обществѣ.

4) Смертная казнь не необходима для охраны правового порядка, что доказывается неувеличеніемъ числа преступленій послѣ отмѣны ея и

5) она неотмѣнима, а поэтому противна постановленіямъ уголовнаго процесса о возстановленіи уголовныхъ дѣлъ.

(Протоколъ засѣданія 29 янв. 1879 г. Юрид. Вѣст. 1876 г. № 5, стр. 806).

Дриль Д. А.; профессоръ Политехническаго Института. Изъ статьи «Чувственныя влеченія и преступность» Юридическій Вѣстникъ 1892 г. № 5—6, 180—181 стр.

Нѣкоторые во Франціи утверждаютъ, что только смертная казнь одна лишь и устрашаетъ великихъ злодѣевъ. Но развѣ Anastay, Voulourg и другіе убійцы, совершившіе въ недавнее время свои кровавыя дѣянія во Франціи, не знали хорошо, что ожидаетъ ихъ по закону? Конечно знали. И что же? Убійства совершены. У насъ въ Россіи по общему праву не существуетъ смертной казни, а развѣ въ Петербургѣ и Москвѣ совершается больше кровавыхъ преступленій сравнительно съ Парижемъ, принимая при этомъ во вниманіе и различія въ цифрахъ населенія названныхъ городовъ? Далеко нѣтъ. Мысль, что чѣмъ больше вредъ, которымъ грозитъ законъ за преступленіе, тѣмъ пропорціонально будто бы всегда больше и страхъ передъ наказаніемъ, представляетъ собою одно изъ освященныхъ временемъ величайшихъ заблужденій, которое, какъ и всякое другое заблужденіе, влечетъ за собою и свои невыгодныя слѣдствія. Повседневный опытъ учитъ насъ, что люди, обыкновенно смѣло глядящіе въ лицо смерти, дрожатъ и слабѣютъ иногда предъ пустякомъ. Все въ этой области зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей установившихся ассоціацій и отъ временныхъ колеблющихся состояній. Если бы теорія о прямой постоянной пропорціональности между степенью страха предъ наказаніемъ и его тяжестью была вѣрна, то чертвертованія, колесованія и многіе другіе ужасы прежней уголовной юстиціи были бы просто спасительными средствами въ борьбѣ съ язвой преступленія.

Кузьминъ-Караваевъ В. Д. быв. профессоръ военно-уголовнаго права: «Изъ эпохи освоб. движенія» вып. I Спб. 1907 г. Стр. 179, 182—183.

...если мысль современнаго человѣка вынуждена мириться съ уголовными карами вообще, то ничто не можетъ ее примирить съ смертной казнью. Каждый случай закономѣрнаго убійства, совершаемаго государствомъ, въ лицѣ суда и палача, надъ человѣкомъ, сдѣланное которымъ спокойно и безстрастно обсуждается, оцѣнивается и сопостовляется съ закономъ—заставляетъ ее содрагаться...

Человѣчество сознало, что суровость каръ—безсмысленная ненужная жестокость. Идея Монтескье стала неотъемлемымъ достояніемъ теоретической мысли. Главныя начала отправленія правосудія—законность и гуманность. О нихъ, какъ о скалу разбилась теорія итальянской уголовно - антропологической школы, пытавшаяся низвергнуть въ правосудіи царство правда и милости, возордить тѣлесныя мученія и смертную казнь. Разобьется также и всякая иная.

Смертная казнь претитъ сознанію современнаго культурнаго человѣка. Дле него—она институтъ умершій.—Для положительнаго права—еще вымирающій. Мстительная жажда крови еще борется.

Н. И. Фалѣевъ. Цѣли воинскаго наказанія. Диссертація на соисканіе званія экстра-ординарнаго профессора по кафедрѣ военно-уголовныхъ законовъ Александровской Военно-Юридической Академіи. С. Пб. 1902. Стр. 289, 290 и 291.

Смертная казнь, какъ воинское наказаніе, представляетъ собою вымирающій институтъ, которому рано или позно придется исчезнуть со страницъ Военно-уголовнаго законодательства: достаточно прослѣдить исторію послѣдняго столѣтія, чтобы признать это положеніе заслуживающимъ большого вѣроятія, а историческое вымираніе казни въ свою очередь можетъ служить наилучшимъ критеріемъ пригодности ея для арміи.

Принципъ моральности воинскаго наказанія—общій принципъ уголовнаго права. Между тѣмъ, смертная казнь, противорѣчитъ не только высшимъ завѣтамъ ученія Христа, но и развращаетъ толпу зрителей, собранныхъ быть свидѣтелями лишенія жизни, такъ какъ она или развиваетъ грубые, низменные инстинкты человѣческой природы, или вызываетъ проявленія чувства состраданія къ наказанному нежелательныя въ дѣлѣ военно-уголовной политики. Но такъ какъ цѣль смертной казни—устрашеніе, то, слѣдовательно, совершая казнь непублично, тѣмъ самымъ устраняется и устрашительное воздѣйствіе на толпу или, вѣрнѣе, наказаніе становится нецѣлесообразнымъ.

*Комиссія Московскаго Юридическаго Общества о проектѣ уголовнаго уложенія. Засѣданіе 23 января 1883 г. *).*

Приступая къ обсужденію предположеній Редакціонной комиссіи по вопросу о смертной казни, комиссія Юридическаго Общества единогласно высказывается за желательность полнаго исключенія смертной казни изъ новаго уложенія о наказаніяхъ.

Такое положеніе вытекаетъ какъ изъ судебъ смертной казни въ Россіи, гдѣ еще до знаменитой книги Беккаріа смертная казнь въ царствованіе Елисаветы Петровны была отмѣнена и осталась отмѣненною за преступленія общаго права, такъ и изъ соображеній относительно современнаго состоянія вопроса о смертной казни въ западной Европѣ...

1872 г. состоялся знаменитый съѣздъ итальянскихъ юристовъ, гдѣ съ высоты Капитоліи собраніе знаменитѣйшихъ законовѣдовъ Италіи провозгласило единогласно отмѣну смертной казни... Изъ числа 23 профессоровъ уголовнаго права въ Италіи только трое оказались приверженцами смертной казни... Не меньшее значеніе имѣетъ фактъ, совершенно игнорируемый защитниками смертной казни, когда они съ нѣкоторымъ торжествомъ указываютъ на сравнительно небольшое число государствъ, отмѣнившихъ у себя смертную казнь. Этотъ фактъ заключается въ томъ, что во многихъ государствахъ, сохранившихъ смертную казнь, она остается единственно на бумагѣ...

---

*) Предсѣдателемъ комиссіи былъ проф. А. К. Вульфертъ. Кромѣ него въ указанномъ засѣданіи присутствовали члены комиссіи: Д. М. Мейчикъ. А. Ф. Акуловъ, Н. Б. Баснинъ, Г. А. Джаншіевъ, А. Ф. Зачинскій, А. Д. Кутыринъ, Н. І. Нерсесовъ, А. А. Орловъ, А. М. Хоткевичъ. (Юридич. Вѣст. 1883 г. № 3).

Русской группой международнаго союза криминалистовъ были приняты по вопросу о смертной казни слѣдующія резолюціи:

1) Въ общемъ собраніи въ Кіевѣ въ январѣ 1905 г.

„*Смертная казнь, сохранившаяся въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ только за нѣкоторыя изъ такъ называемыхъ политическихъ преступленій, а на практикѣ широко примѣняемая и во многихъ другихъ случаяхъ,—должна быть безусловно исключена изъ нашихъ уголовныхъ кодексовъ, такъ какъ нѣтъ такихъ интересовъ или соображеній государственнаго характера, которые могли бы оправдать ея примѣненіе*“.

2) Въ общемъ собраніи въ Москвѣ въ январѣ 1909 г.

„*Русская группа международнаго союза криминалистовъ выражаетъ убѣжденіе, что немедленная отмѣна смертной казни необходима для блага государства, такъ какъ должна способствовать сокращенію числа кровавыхъ преступленій, успокоенію и нравственному просвѣтленію русскаго общества*“.

* * *

Какъ не трудно прибавить что нибудь новое къ доводамъ противъ смертной казни, но окружающая насъ русская дѣйствительность съ ея ежедневными смертными приговорами и съ ея еженочными приведеніями ихъ въ исполненіе, даетъ все новые и новые факты, громко кричащіе объ ужасѣ, безсиліи и несправедливости этого наказанія.

Эти факты, страшные своею лаконичною краткостью, вскрываютъ такую глубокую бездну человѣческаго страданія, при взглядѣ на которую голова кружится, сердце перестаетъ биться и умъ отказывается понять, что мы, люди XX вѣка, являемся современниками этихъ фактовъ и что оправданіе имъ ищутъ въ нашемъ благѣ, въ благѣ «общества».

Не претендуя приводить новыхъ доводовъ противъ смертной казни, мы ограничиваемъ нашу задачу указаніемъ лишь нѣкоторыхъ новыхъ фактовъ. Мы могли бы привести ихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ большое число, но считаемъ это лишнимъ: каждый изъ нихъ настолько ярокъ до ослѣпительности, что мы можемъ быть очень кратки.

Сторонники смертной казни считаютъ ея главнымъ достоинствомъ, что она истребляетъ преступниковъ и устрашаетъ ихъ. Опроверженіемъ правильности этого утвержденія являются событія нашей русской жизни. Трудно найти городъ, гдѣ бы вслѣдъ за примѣненіемъ смертной казни не было новыхъ случаевъ совершенія преступленій тождественныхъ тѣмъ, за которыя была

примѣнена смертная казнь. Изъ опубликованныхъ въ печати свѣдѣній, доставленныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Государственную Думу, видно, что число приговоренныхъ и казненныхъ непрерывно увеличивалось начиная съ 1905 г. вплоть до 1909 г. Такъ, военно-окружными судами были вынесены и приведены въ исполненіе смертные приговоры по дѣламъ о лицахъ гражданскаго вѣдомства:

Годъ.	Осуждено.	Казнено.
1905	72	10
1906	450	144
1907	1056	456
1908	1741	825

Кромѣ того по приговорамъ военно-полевыхъ судовъ казнено съ 19 августа 1909 г. по 20 апрѣля 1907 г.—683 чел. («Право» 909 г. № 11).

Эти громадныя цифры показываютъ, что смертная казнь не истребила преступниковъ и не остановила новыхъ преступленій. Въ русской криминалистической литературѣ, начиная съ учебника проф. Спасовича и блестящей страницы въ курсѣ проф. Таганцева, не разъ указывалось на полное безсиліе смертной казни въ борьбѣ съ политическою преступностью. Правильность этой мысли еще разъ подтверждается не только приведенными выше статистическими данными, но и появившимися за послѣднее время въ печати извѣстіями о послѣднихъ словахъ казненныхъ и ихъ предсмертными письмами. Въ «Руси» были напечатаны слѣдующія послѣднія слова приговореннаго къ казни и казненнаго Пулихова: «Въ горящемъ домѣ разбитыхъ стеколъ не считаютъ,—такъ сказалъ Дурново. Я—только одно изъ этихъ стеколъ во многоэтажномъ, разсыпающимся зданіи. Пусть будетъ такъ, но я счастливъ тѣмъ, что пока я жилъ, сквозь это стекло проникалъ хотя тусклый свѣтъ во внутрь этого зданія. Зданіе горитъ: пусть моя жизнь сегодня оборвется, но сквозь разбитое

стекло, я вѣрю, ворвется внутрь порывистый вѣтеръ, еще ярче раздуетъ горящее пламя... Я счастливъ, клянусь вамъ, я не лгу. Какъ горячею волною смыло съ меня въ эти минуты всю душевную нечисть, всю ложь. Огромную отраду доставляетъ мнѣ въ эту минуту мысль о васъ, моихъ близкихъ дорогихъ. Прощайте».

Въ докладѣ, представленномъ комиссіей судебныхъ реформъ, гражданскаго и уголовнаго законодательства французской палатѣ депутатовъ по вопросу объ отмѣнѣ смертной казни, мы находимъ слѣдующій разительный фактъ полнѣйшаго безсилія этого наказанія, какъ средства устрашить обыкновенныхъ преступниковъ. Это было въ 1894 г. Толпа, собравшаяся на площади Melun, ждала исполненія казни надъ нѣкіимъ Шереромъ. Одинъ изъ зрителей, чтобы лучше видѣть казнь, забрался на дерево передъ гильотиной. Жандармы пытались снять его оттуда, но онъ залѣзъ еще выше. Въ это время привезли осужденнаго, и жандармы были принуждены оставить любопытнаго зрителя на деревѣ. Онъ слѣзъ оттуда лишь послѣ того, какъ ножъ гильотины отрубилъ голову осужденнаго. Годъ спустя, на этомъ же самомъ мѣстѣ, на этой же площади Melun совершалась новая казнь за преступленіе аналогичное преступному дѣянію Шерера. На этотъ разъ казнили того самаго зрителя, который годъ тому назадъ «любовался» съ дерева казнью Шерера *).

Другой доводъ сторонниковъ смертной казни—оправданіе ея цѣлями «справедливаго возмездія». Эта своеобразная «справедливость» будто бы требуетъ страданія-наказанія-эквивалентнаго тяжести преступленія. Такая теорія, являясь плодомъ отвлеченной мысли, не знаетъ или не хочетъ знать всей тяжести наказанія смертью, передъ которою блѣднѣютъ мученія жерт-

*) Chambre des députés. Session extroard. de 1907 № 1260 Rapport fait par M. Gruppi 42.

вы убійства. Именно съ этой точки зрѣнія была освѣщена психологія казнимыхъ въ русской и иностранной биллетристикѣ. На эту же точку зрѣнія всталъ докторъ Н. Н. Баженовъ въ его очеркѣ, напечатанномъ въ сборникѣ «Противъ смертной казни». Весь ужасъ смертной казни, во много разъ превышающій ужасъ жертвы убійства, видѣнъ не только тамъ, гдѣ подъ тяжестью смертнаго приговора осужденный падаетъ на колѣна и молитъ о пощадѣ, но и тамъ, гдѣ казнимый умираетъ, стараясь показать свое хладнокровіе и даже радость передъ смертью.

Величайшая ошибка сторонниковъ смертной казни, видѣвшихъ въ ней справедливое возмездіе, лежитъ въ ихъ мысли, что все наказаніе смертью сводится къ отнятію жизни. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ физическія муки смертной казни ничто въ сравненіи съ психическими муками ожиданія смерти, разставанія съ родными и близкими и отвращенія къ объятьямъ палача. Эти муки заставляютъ пятнадцать заключенныхъ Александровской каторжной тюрьмы братски подѣлить между собою ядъ для своей отравы; эти же муки вызываютъ эпидемію самоубійствъ въ другихъ тюрьмахъ, гдѣ осужденные къ смертной казни или ожидающіе смертнаго приговора вѣшаются, отравляются, перерѣзываютъ себѣ артеріи кончикомъ стального пера (въ Тамбовской тюрьмѣ) [1]). Въ Курской тюрьмѣ приговоренный къ смерти отнимаетъ револьверъ у надзирателя тюрьмы, стрѣляетъ въ двухъ своихъ осужденныхъ товарищей и кончаетъ съ собою самоубійствомъ изъ этого же револьвера [2]). Въ Лысогорскомъ фортѣ привезенный для казни Юрчено бросается въ кандалахъ бѣжать и пробѣгаетъ въ темнотѣ около полуверсты прежде чѣмъ успѣваютъ догнать его... [3]).

---

[1]) Рус. Вѣд. 909 г. 22 марта.

[2]) Тамъ же 909 г. 18 марта.

[3]) Рус. Сл. 908 г. 6 дек. Въ Тамбовской тюрьмѣ произошло пять слу-

Тяжесть смерти отъ руки палача въ приведенныхъ случаяхъ слишкомъ очевидна. Но нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть психическихъ мукъ смертной казни даже тамъ, гдѣ изъ-подъ ножа гильотины несутся торжествующіе крики анархиста Казеріо «да здравствуетъ анархія!»; гдѣ въ экстазѣ идеи, захватившей все существо приговореннаго, онъ пишетъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ о безмѣрномъ ожидающемъ его счастіи: объ ожидающей его на порогѣ его одиночной камеры смерти; гдѣ казнимый съ гордостью отказывается отъ повязки на глаза передъ разстрѣломъ; гдѣ жестокій убійца Эйро съ презрѣніемъ кричитъ стоящимъ у гильотины представителямъ правосудія: «Вы хуже убійцы, чѣмъ я!».

«Наказаніе должно быть индивидуально». Таковъ принципъ современной карательной политики въ ея борьбѣ съ преступностью. Однако, вопреки этому принципу, всякое наказаніе въ той или другой степени отзывается на близкихъ приговореннаго. Но противорѣчіе смертной казни этому принципу настолько велико, что оно несетъ страданія людямъ, совершенно постороннимъ для осужденныхъ: оно несетъ имъ даже сумасшествіе и самоубійство. О величинѣ этого страданія свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ С.-Петербургѣ: на петербургской станціи финдлянской желѣзной дороги покончилъ съ собою, бросившись подъ отходящій поѣздъ, 50-лѣтній священникъ села Ново-Елизаветинскаго Днѣпровскаго уѣзда Таврической епархіи о. Александръ Пономаревъ. Онъ положилъ свою

чаевъ самоубійства (двое умерли, а трое остались живы. Рус. Вѣд. 22 марта 909 г.); въ Елизаветградской тюрьмѣ покончилъ самоубійствомъ приговоренный къ казни Христенко (Рус. Вѣд. 30 нояб. 908 г.); въ Екатериносл. тюрьмѣ отравились двое приговоренныхъ къ казни Ив. Кровоспицкій и Іос. Мерешко (Правда жизни 909 г. 12 ян.); въ Елизаветградѣ покончилъ самоубійствомъ одинъ изъ 12 приговоренныхъ къ казни по дѣлу объ убійствѣ Келеповскихъ. (Право 909 г. № 3).

сѣдую голову на рельсы и колеса паровоза ее отрѣзали. Старикъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ хлопотать о смягченіи смертныхъ приговоровъ Екатеринославскаго суда. Потрясенный отклоненіемъ его ходатайства онъ покончилъ съ собою самоубійствомъ... [1]). Другой фактъ имѣлъ мѣсто въ Кіевѣ. Товарищъ прокурора Кіевскаго Окружного суда Воробьевъ присуствовалъ, по назначенію суда, при совершеніи смертныхъ казней. Онъ заболѣлъ буйнымъ помѣшательствомъ и все время кричитъ: «Я убійца, палачъ»... [2]).

Съ тѣхъ поръ, какъ смертная казнь сдѣлалась предметомъ обсужденія законодательныхъ собраній, вопросъ объ отношеніи къ ней народа сталъ далеко не безразличнымъ. Отвращеніе къ этому наказанію, питаемое русскимъ обществомъ и русскимъ народомъ, проявлялось и проявляется настолько ярко, что не можетъ оставлять никакого сомнѣнія. Исторія смертной казни въ иностранныхъ государствахъ не знаетъ такого момента, когда протестъ противъ этого наказанія достигалъ бы такой высоты и силы напряженія, какъ у насъ, въ Россіи, за послѣдніе годы. Засѣданія и съѣзды представителей науки, труда, искусства, политическія собранія и митинги считали своимъ долгомъ выразить свое осужденіе смертной казни. Газеты переполнялись такими же протестами. Первая и вторая государственная дума съ удивительнымъ единодушіемъ высказывались противъ смертной казни. Не приводя формулъ протеста мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторые случаи, когда онъ выливался въ форму опредѣленныхъ дѣйствій. Такъ, въ іюнѣ 1906 г. при судѣ надъ 27 чинами Мингрельскаго полка, которымъ грозила смертная казнь, въ Тифлисѣ произошла забастовка рабочихъ, прислуги въ ресторанахъ, извозчиковъ и др. Болѣе значительная заба-

---

[1]) Стол. Мол. 908 г. 27 дек.

[2]) Совр. Сл. 908 г. 17 нояб.

стовка произошла въ Лодзи, Згержѣ и Побіаницахъ 27 сент. 1906 г. Въ этотъ день въ лѣсу близь Лодзи были разстрѣляны по приговору военнополевого суда пять человѣкъ. Собравшаяся толпа вырыла трупы казненныхъ, вынула ихъ и уложила ихъ въ рядъ. Явившійся патруль разсѣялъ толпу и арестовалъ 30 человѣкъ. Въ этотъ же день началась общая забастовка. Закрылись фабрики, магазины, банки, прекратилось движеніе трамваевъ, извощиковъ [1]).

Припомнимъ на ряду съ этими случаями массового протеста случаи отказа чиновъ судебнаго вѣдомства и врачей присутствовать при казни.

Къ разряду этихъ же фактовъ должны быть отнесены проводы, устроенные врачами въ Тамбовѣ доктору Брюханову, принужденному въ 24 часа покинуть городъ за свой отказъ подать руку доктору Либиху, «присутствовавшему при приведеніи въ исполненіе одного довольно обычнаго въ наше время акта» (Рус. Сл. 28 марта 1909 г.). Въ Екатеринбургѣ консультація присяжныхъ повѣренныхъ при окружномъ судѣ просила удалиться явившагося къ ней за совѣтомъ кр. Карабальской вол. Хелидова, служившаго палачемъ въ Екатеринбургской тюрьмѣ. По его словамъ ему было обѣщано уплачивать за каждаго казненнаго по десяти рублей. Онъ повѣсилъ 16 человѣкъ, и получилъ не 160 руб., какъ бы ему слѣдовало, а 100 рублей и поэтому желалъ бы предъявить «искъ» [2]).

Смертная казнь свидѣтельствуетъ, что человѣческой жизни придается слишкомъ мало значенія. Отъ неуваженія жизни до неуваженія трупа одинъ шагъ. Въ Саратовѣ 6 авг. 1908 г. произошелъ такой фактъ. Мальчики близъ Солдатской Слободы и около бывшихъ свалокъ городскихъ нечистотъ копали червей для

---

[1]) Рус. Вѣд. 28 нояб. 1906 г.

[2]) Рус. Вѣд. 20 марта 1909 г.

рыбной ловли и вырыли трупъ въ мѣшкѣ. Изъ Слободки прибѣжала толпа взрослыхъ съ лопатами. Стали рыть и въ одной ямѣ нашли четыре мѣшка съ трупами и кромѣ того одинъ трупъ въ гробу. На шеяхъ болтались веревки. Толпа быстро росла. Явился нарядъ полиціи, оттѣснившій отъ труповъ возбужденную всѣмъ видѣннымъ толпу... [1]).

«Смертная казнь противорѣчитъ принципу возстановимости наказанія, которому должно отвѣчать наказаніе». Правосудіе еще не достигло такой организаціи, при которой исключалась бы возможность судебныхъ ошибокъ. Русская дѣйствительность знаетъ нѣсколько случаевъ ошибокъ при приговорахъ къ смерти. Однѣ изъ нихъ удалось предупредить, другія совершились. Такъ, въ Двинскѣ 1905 г. 6 іюня Маньковскій за покушеніе на убійство помощника полицмейстера былъ приговоренъ къ смерти. Приговоръ былъ кассированъ и при второмъ разборѣ дѣла обвиняемый былъ оправданъ. Тоже самое произошло съ Зелинскимъ. По подозрѣнію въ покушеніи на убійство околодочнаго надзирателя онъ былъ приговоренъ къ казни, а затѣмъ оправданъ. Въ началѣ 1906 г. временный военный судъ въ Ригѣ приговорилъ къ смерти германскаго подданнаго Іогансона и рабочаго Земгала. Приговоръ былъ отмѣненъ, и дѣло разсматривалось гражданскимъ судомъ. По приговору С.-Петербургской Судебной Палаты Земгалъ былъ оправданъ, а Іогансонъ признанъ виновнымъ не въ разбоѣ, въ чемъ обвинилъ его военный судъ, а въ покушеніи воспрепятствовать должному лицу исполнить его обязанности и приговоренъ въ тюрьму на два съ половиною года. Такая ошибка была совершена Варшавскимъ военнымъ судомъ, приговорившемъ къ повѣшенію шесть человѣкъ за нападеніе на жилище Покрживы и троихъ за недонесеніе къ каторжнымъ работамъ въ общей сложности на 45 лѣтъ. Приговоръ

---

[1]) Совр. Сл. 1908 г. 12 авг.

былъ кассированъ, и дѣло разсматривалось Гродненскимъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, которые оправдали одного изъ шести, приговоренныхъ къ смертной казни и трехъ приговоренныхъ ранѣе за недонесеніе къ каторжнымъ работамъ, а остальныхъ пятерыхъ признали виновными, но вопреки рѣшенію военнаго суда не въ разбоѣ. Судъ назначилъ высшимъ наказаніемъ три года арестантскихъ отдѣленій. Въ Екатеринославѣ былъ приговоренъ къ смертной казни убійца начальника Александровскихъ мастерскихъ. Приговоръ былъ отмѣненъ, такъ какъ г. Александровъ не находился на военномъ положеніи. Въ февралѣ 1907 г. въ московскихъ газетахъ была напечатана телеграмма объ отмѣнѣ согласно всеподданѣйшаго доклада варшавскаго военнаго губернатора смертнаго приговора военнаго полевого суда Беднарскому, Піотровскому и Хойнацкому. По словамъ телеграммы трое осужденныхъ оказались жертвами лжесвидѣтельства. Жертвою лжесвидѣтельства оказался въ Москвѣ Кузнецовъ, приговоренный къ казни. Послѣ признанія московскимъ окружнымъ судомъ двухъ свидѣтелей по этому дѣлу виновными въ лжесвидѣтельствѣ дѣло разсматривалось военнымъ судомъ вторично, и Кузнецовъ былъ оправданъ. Телеграмма изъ Одессы, напечатанная въ Московскихъ газетахъ 25 января 1907 г. сообщила: «выясняется, что повѣшенные 19 января два брата Трегеры, Оренбахъ и Грейгерманъ пали жертвою ужасной судебной ошибки. Они ничего общаго ни съ анархистами, ни съ другими партіями не имѣли. Они убѣжали вмѣстѣ съ массою другихъ жильцовъ изъ дома, подвергавшагося сильнѣйшему обстрѣлу...» Въ «Новой Руси» 21 ноября 1908 г. была напечатана корреспонденція изъ Ташкента, авторъ который утверждаетъ, что сынъ инженеръ-технолога Ососковъ осужденъ и казненъ невинно. Въ Варшавѣ Шмигельскій и Данекъ были приговорены къ смертной казни за стрѣльбу въ военный патруль. Генералъ-губернаторъ замѣнилъ казнь каторжными работами. Но мѣстный

судебный слѣдователь, своевременно непредупрежденный о передачѣ дѣла жандармскимъ властямъ, приступилъ къ слѣдствію, и установивъ, что такого факта не было, направилъ дѣло по 277 ст. у. у. с. на прекращеніе. Петровскій Окружный Судъ 14 сент. 907 г. дѣло производствомъ прекратилъ за отсутствіемъ состава преступленія. Оба осужденные отбываютъ наказаніе (Право 909 г. № 15).

Таковы новые факты о смертной казни подъ старыми рубриками доводовъ противъ этого наказанія.

Тяжело писать о смертной казни, объ ея прошломъ, но еще тяжелѣе писать объ ея настоящемъ, о томъ, что мы всѣ видимъ, о чемъ читаемъ въ газетахъ, что слышимъ и чувствуемъ. Но если писать о ней тяжело и больно, то молчать о ней нестерпимо. Тѣмъ болѣе не долженъ молчать криминалистъ теперь, когда общественное мнѣніе въ Россіи выдвинуло вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни на первую очередь. Къ сотнямъ тысячъ голосовъ русскихъ гражданъ—должна присоединить и присоединяетъ свой авторитетный голосъ и наука уголовнаго права, и голосъ все тотъ же: «Смертная казнь должна быть вычеркнута изъ лѣстницы наказаній».

Мих. Гернетъ.

Приватъ-доцентъ Московскаго университета.

Указатель

литературы на русскомъ языкѣ по вопросу о смертной казни [1]).

I.

Ученая и публицистическая литература.

А-въ. «Христ. Чтеніе» 1906 г. кн. 12.

М. Александровичъ. Послѣдніе дни Государственной Думы. «Журналъ для всѣхъ», 1906, № 8.

Анучинъ: Казнь Стеблянскаго. М. 908 также въ «Русск. Мысли» 908, № 6.

Д. Альбіоновъ. Слово и дѣло (какъ успокаиваютъ революцію). «Журналъ для всѣхъ», 1906, № 3.

Ашешовъ. Послѣдніе могикане. «Образованіе», 1908, № 8.

Баршевъ. О состояніи вопроса о смертной казни въ Европѣ. «Юридич. Записки», Рѣдкина, т. I.

Бернштамъ Вл. Мать (отрывки). «Оразованіе», 1905, № 10.

Его же. Смертныя казни. «Право», 1905, № 38.

Его же. Судъ скорый. «Право», 1905, № 24.

Его же. По поводу смертнаго приговора. «Право», 1905, № 49.

Его же. Военно-полевые суды. «Русск. Богатство», 1907, № 3.

---

[1]) Составленъ прив.-доц. М. Н. Гернетомъ и студентами: Д. Д. Барцыковскимъ, П. В. Всесвятскимъ, В. И. Гальпериномъ и С. Ш. Гуревичемъ.

Бернеръ. О смертной казни. Пер. подъ ред. О. А. Филиппова. Спб. 1865, 97 стр.

Берхинъ. Сожженіе людей въ Россіи въ XVII—XVIII в. «Рус. Ст.» 1885, 45 т.

Богучарскій В. Я. Кровавый синодикъ. Спб. 1906, 31 стр. (также «Міръ Божій», 1905, дек.).

Бородинъ. Смертная казнь. «Юристъ», 1903, № 28.

Б. Т. Къ статист. смертной казни въ Россіи. «Право», 1908, № 16.

Бузескулъ В. Пренія о смертной казни назадъ тому 2300 съ лишкомъ лѣтъ. «Московскій Еженедѣльникъ», 1907, № 13.

Васильевъ Ил. Осмертной казни. Спб. 1821.

Буткевичъ, прот. «Вѣра и Разумъ». 1906 кн. 14.

Вереецъ. Казни въ Китаѣ. «Искра». М. 1909, отъ 1 февр.

В. И. «Церковный Вѣстникъ». 1906 № 26.

Вигдорчикъ Н. Врачи и смертная казнь. «Русскій Врачъ», 1907, № 11.

Викторскій С. И. О смертной казни. Полтава, 1906, 28 стр.

Вилюецъ. Якутская трагедія 1889 года. «Рус. Мысль», 1906, № 3.

Военно-полевые суды (отчетъ Государственной Думы). Изд. Вятскаго Товарищества, «Народ. Библ.». Спб. 1907, 112 стр.

Гернетъ М. Смертная казнь. «Право», 1905, № 32.

Его же. Къ статистикѣ смертной казни. «Право», 1907, № 31.

Его же. Къ исторіи смертной казни: 1) Смертная казнь и духовенство. «Право», 1908, № 36. 2) Смертная казнь и народное представительство во Франціи въ концѣ 18 в. «Право», 1908, № 37.

Градовскій Григорій. «Послѣднее Слово». «Московскій Еженедѣльникъ», 1907, № 8, 11.

Гредингеръ Р. Основныя начала новаго уголовнаго уложенія. «Юридическая Газета», 1903, № 43.

Гутманъ. Еще по поводу смертныхъ приговоровъ. «Право», 1906, № 8.

Гюго В. Противъ смертной казни. Рѣчь 15 сент. 1848. Изд. «Прометей». Кіевъ, 1906, 32 стр.

Десницкій: Слово о причинахъ смертныхъ казни 1770.

Джабадари И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895, 180 стр.

Д—нъ. Смертная казнь. 1906.

Духовской М. В. Смертная казнь съ точки зрѣнія раціональнаго ученія о наказаніи. «Юр. Вѣст.» 1879, № 5, 806—812 стр.

Езерскій Н. Проклятый вопросъ. «Московскій Еженедѣльникъ», 1907, № 14.

Жбанковъ Д. Н. Смертная казнь. «Журналъ О-ва русскихъ врачей въ память Пирогова». 1905, № 6—7.

Жизнь лейтенанта Шмидта (описаніе казни). «Правовая Жизнь», 1906, № 1.

Загоскинъ. Очеркъ исторіи смертной казни. Казань, 1892. 102 стр.

Иванцовъ. Смертная казнь — въ сознаніи русскаго общества. «Московскій Еженедѣльникъ», 1906, № 6—7.

Карабчевскій Ник. Палачъ. «Право», 1908, № 45.

Корменэнъ. Смертная казнь. Изъ книги «Политическіе памфлеты». Серія I, франц. памфлетисты XIX вѣка, съ предисловіемъ Н. Кудрина. Спб. 1906.

Кистяковскій А. Ф. Изслѣдованіе о смертной казни. 2-е изд. Спб. 1896, 302 стр. 1-е изд. 1867.

Конъ Ф. Я. У подножія висѣлицы. «Былое». 1906, № 8.

Его же. Смертн. казнь въ царствѣ Польскомъ, «Право», 1909 № 15.

Климова. Письмо передъ казнью. «Образованіе», 1908, № 8.

Котляревскій С. Смертная казнь и государственные интересы. Журн. «Свобода и Культура», 1906, № 1.

Кранеровъ. «Вѣра и Разумъ». 1906 г. кн. 1, 16.

Кузьминъ-Караваевъ. Справка о смертной казни по русскому праву. «Право», 1905, № 8.

Его же. Изъ эпохи освободит. движенія. Сбор. статей. Спб. 1907 Статьи: «Справка о смертной казни по русскому праву». «Наказаніе смертью несовершеннолѣтнихъ». «Еще о смертной казни». «Смертная казнь».

. БЛ. На родинѣ: царство смерти. «Современный міръ», 1906 № 12.

Линдъ В. Законодательство и жизнь. Безплодность смертныхъ казней для прекращенія революціи. «Русская Мысль», 1907, № 1.

Его же. Законодательство и жизнь: Военно-полевые суды. «Русск. Мысль», 1907, № 4.

Его же. Законодательство и жизнь; политика правительства карательная и законодательная. «Русская Мысль», 1907, № 2.

Мазуренко Н. Смертная казнь (изъ воспоминаній адвоката). «Юристъ», 1905, № 26.

Маклаковъ. О смертной казни. «Право», 1905, № 42.

Его же. Смертная казнь и законность. «Право», 1905, № 34.

Максимовичъ. Рѣчь объ уголовныхъ наказаніяхъ въ Россіи.

Малиновскій І. Кровавая месть и смертныя казни. «Право», 1909, № 4 и 5. Въ № 5 отчетъ о засѣд. Спб. Юр. Общ. по обсужденію этого доклада проф. Малиновскаго.

Его же. Кровавая месть и смертныя казни. Вып. І. Томскъ. 1908, 204 стр.

Маріупольскій. «Мисс. Обозрѣніе» 1906 г. № 5.

Мережковскій. Богъ или бѣсъ? (дѣло Фрумкиной и Бердяева). «Образованіе», 1908, № 8.

Михаилъ, архим. и Г. И. Прядкинъ. Убійства во имя общаго блага и смертная казнь, «Свобода и Христіанство», № 12.

Миттермайеръ. Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ. Пер. Саранчева. Спб. 1864, 170 стр.

Мишлянскій Мих. Смертная казнь въ 1908 году. «Право», 1908, № 52.

Мокринскій. Смертная казнь и борьба съ политическими преступленіями. «Право», 1906, № 22.

Мордвиновъ. Мнѣнія адмирала Мордвинова о смертной казни и дополнительныя статьи къ нему см. «Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древ. Рос.» 1859, IV.

Москов. Юрид. Общ. Его комиссія о проэктѣ новаго угол. Улож. Докладъ. «Юрид. Вѣст.» 1883 г. № 3, 444—458 стр.

Муравьевъ Н. В. Обрядъ публичной смертной казни. Изъ прошлой дѣятельности, т. I, стр. 1. Также «Юрид. Вѣст.» 1874, кн. 7—8, стр. 67—128.

Набоковъ. Проектъ уголовнаго уложенія и смертная казнь. «Право», 1900, № 5.

Его же. Скорострѣльные суды и разъясненія совѣта министровъ. «Право», 1906, № 41.

Его же. Законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. «Право», 190?, № 51.

Его же. О современныхъ уголовно-политическихъ задачахъ. «Русская Мысль», 1907, № 1.

Его же. Плачъ о гильотинѣ. «Право», 1907, № 27.

Его же. Судьба вопроса объ отмѣнѣ смертной казни во Франціи. «Русская Мысль», 1909, № 2.

Его же. Внутренняя война. «Полярная Звѣзда», 1906, № 8.

Н. В. Смертная казнь. «Московскій Еженедѣльникъ», 1906, № 2.

Отчеты стенографическіе первой, второй и третьей Государственной Думы.

N. N. Послѣдній день Каляева. «Былое», 1906, № 5.

П. По поводу дѣла Кобловыхъ и Тараканниковыхъ. «Право», 1907, № 18.

Петровъ Г., свящ. Смертная казнь — преступленіе. Изд. Сытина. М.

Піонтковскій А. А. Смертная казнь въ Европѣ. К. 1908. 124 стр.

Письма осужденныхъ якутянъ. «Былое», 1906, № 9.

Поздній. Нужна-ли смертная казнь. «Юридич. Газета», 1906, № 5.

Поздышевъ С. В. Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ. Эпизодич. программы. Серія 1 стр. 4. Изд. 2, 1905 г., М., Комиссіи по организаціи домашняго чтенія.

Покровскій Н. Назрѣвшія вопросы Русской жизни. Спб. 1909. 53 стр.

Полетаевъ. Ученіе Дарвина и смертная казнь. «Жур. Петерб. Юрид. Общ.»
1898, кн. 10.

По поводу смертнаго приговора. «Право», 1905, № 24.

Притыкинъ. Къ вопросу о смертной казни. «Юристъ», 1905, № 38.

Проэктъ закона объ отмѣнѣ смертной казни. «Вѣстникъ партіи Народной Свободы», 1906, № 12.

Противъ смертной казни. Сборникъ подъ ред. М. Н. Гернетъ, О. Б. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова. 1-е изд. М. 1906, 335 стр. 2-е изд. М.

Противъ смертной казни. «Московскій Еженедѣльникъ», 1906, № 1.

Процессы политическіе. «Былое», 1906, 1907, «Минувшіе годы», 1908.

П—скій П. Вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни во Франціи. «Право», 1907, № 4.

Рейнгардъ. Военный судъ и смертная казнь. «Юристъ». 1905, № 49.

Его же. Юридическія замѣтки. Произволъ судебный и административный». «Юридическая Газета», 1906, № 16.

Его же. Непостижимое заблужденіе. «Юридическая Газета», 1906, № 37.

Риккеръ Раймонъ. Женщина передъ смертью. Пер. съ фр., 1900.

Робеспьеръ М. Рѣчь объ отмѣнѣ смертной казни. М. 1906, 16 стр.

Розинъ Н. О смертной казни. Рѣчь для годичнаго акта Импер. Томск. Унив. 22 окт. 906 г.

Сводъ замѣчаній на проектъ общей части Улож. о Нак. 2-т. 1884 г. 1—142 стр.

Семеновъ Ѳ. Гильотина во Франціи. Журн. «Новости Міра», 1909, № 1.

Сергѣевскій. Лишеніе жизни, какъ уголовное наказаніе.

Его же: «Ю. В.», 1879, кн. 6, 829—860 стр.

Его же. Смертная казнь при Имп. Елисаветѣ Петровнѣ». Журн. Гр. и Уг. Пр.», 1890, кн. 1-я.

Его же. Смертная казнь въ Россіи въ XVII и первой половинѣ XVIII в. «Ж. Гр. и Уг. Пр.» 1884, кн. 9.

Сикорскій. Чувства, испытываемыя при видѣ смертной казни.

Смертная казнь въ Сибири. По поводу двухъ смерт. приговоровъ. «Юр. В.» 1891 г. № 9 и 12.

Кіевъ 1906.

Смирновъ С. Смертная казнь предъ судомъ нашихъ революціонеровъ. Спб. 1906.

Снегиревъ. Лобное мѣсто въ Москвѣ. Москвитянинъ 1842. № 2

Соколовъ В. Нужна ли смертная казнь? М. 1906. 31 стр.

Соловьевъ. О смертной казни. «Право и Нравственность», 1899.

Соловьевъ, прот. «Вѣра и Церковь». 1906 г. кн. 9.

Спасовичъ. Собраніе сочиненій, также «Отеч. Зап. 1863 г. № 8.

Струве. «Полярная Звѣзда», № 12.

Таганцевъ. Законопроэктъ о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ. «Вѣстн. Европы», 1906, № 11.

Такчогло Н. По поводу 18 ст. положенія объ усиленной охранѣ. «Право», 1905, № 40.

Его же. По поводу смертныхъ приговоровъ военныхъ судовъ. «Право», 1905, № 8, 52.

Т. Е., кн. Политическія казни и убійства. «Московскій Еженедѣльникъ», 1906, № 4.

Трояновъ, Убійство и смертная казнь. «Кіевск. Еп. Вѣд.» 1907. №№ 3, 5, 6.

Трубецкой Е., кн. Къ отмѣнѣ смертной казни. «Московскій Ежедѣльникъ», 1906, № 15.

Его же. Позорный кругъ. «Московскій Еженедѣльникъ», 1907, № 12.

Его же. Къ вопросу о дозволенномъ и недозволенномъ насиліи. «Московскій Еженедѣльникъ», 1907, № 35.

Труды 2-го съѣзда отечественныхъ психіатровъ. Кіевъ, 1907, 421—422.

Успенскій Д. Народъ о смертной казни. Журн. «Семь дней».

Ушаковъ Ф. В. Смертная казнь нужна ли и полезна ли въ государствѣ, т. е. въ обществѣ людей, закономъ упровляемомъ. 1771.

Фалѣевъ Н. Цѣли воинскаго наказанія. Спб. 1902.

Филипповъ О. Смертная казнь: «Русское Сл.» 1863. №11—12.

Что должна сдѣлать Государственная Дума? «Юридич. Газета», 1906, № 40.

Чубинскій М. П. Смертная казнь и военные суды. Въ его сборникѣ: Статьи и рѣчи по вопросамъ угол. пр. и проц. Х., 1906.

Шидловскій К. И. Къ вопросу объ отмѣнѣ смертной казни. «Журн. О-ва русскихъ врачей въ память Пирогова», 1905, № 6—7.

Щедровъ: Какъ ихъ повѣсили. Сборникъ: «О минувшемъ». 909.

Щербатовъ М. М., кн. Сочиненія въ I т. Размышленія о смертной казни. Спб. 1896.

Экземплярскій В. Нѣсколько мыслей по поводу защиты смертной казни въ русской богословской литературѣ послѣдняго времени. Тр. Кіевск. Духов. Академ. Мартъ, 1907.

Эліашевъ М. Около смертныхъ приговоровъ. «Право», 1905, № 35.

Его же Около смертныхъ приговоровъ. «Право», 1906. № 3.

Яблоновскій А. Родныя картинки. «Современный міръ», 1909, II.

Яриловъ. Въ защиту науки и приговоренныхъ къ смерти. Юрьевъ, 1900.

Z. Печальная страничка. «Право», 1905, № 37.

II.

Хроника.

Богучарскій В. Хроника русской жизни. «Образованіе», 1905, № 8.

Внутреннее обозрѣніе. «Русская Мысль», 1906, № 2, 4—10.

Военно-полевые суды и диктатура. Внутреннее обозрѣніе. «Вѣстникъ Европы», 1906, № 10.

Военно-полевые суды и вопросъ о смертной казни. Внутреннее обозрѣніе. «Вѣстникъ Европы», 1906, № 12.

Вопіющіе факты изъ области военно-полевой юстиціи. Хроника. «Журн. О-ва русскихъ врачей въ память Пирогова». 1906, № 7.

Годовые итоги. Изъ общественной хроники. «Вѣстникъ Европы», 1906, № 11.

Два террора. Изъ общественной хроники. «Вѣстникъ Европы», 1906, № 10.

Жизнь и законъ. Политическія преступленія. Къ статистикѣ чрезвычайныхъ каръ. «Жур. гр. и уг. пр.» 1880, кн. I.

Извѣстія: Смертная казнь. «Журн. гражд. и угол. права.» 1879, кн. III, IV, VI.

Изъ практики exspresse-юстиціи. Изъ общественной хроники. «Вѣстникъ Европы», 1906, № 12.

Изъ печати. «Судебное Обозрѣніе», 1905, № 24.

Итоги жертвъ освободительнаго движенія. Хроника. «Жур. О-ва русскихъ врачей въ память Пирогова». 1906, № 4.

Казнь бр. Грузиныхъ. «Русск. Старина» 1873. № 7.

Казнь С. В. Балмашева. «Былое», 1906, № 6.

Казнь Шмидта. Изъ общественной хроники. «Вѣстникъ Европы». 1906, № 4.

Клейнбортъ Л. Хроника русской жизни. «Образованіе», 1906, № 9.

Къ дѣлу Шмидта. «Юридическая Газета», 1906, №№ 22, 23 (приговоръ въ окончательной формѣ).

Набоковъ Вл. Парламентская недѣля. «Вѣстникъ партіи народной свободы», 1906, № 14, 17.

Обрядъ казни. «Былое», 1906, № 5.

Отмѣна смертной казни и своевременна ли эта мѣра? Изъ общественной хроники. «Вѣстникъ Европы», 1906, № 7.

Парламентская недѣля. «Московскій Еженедѣльникъ», 1907, № 11, 12.

Положеніе дѣлъ на рубежѣ новаго года. Внутреннее обозрѣніе. «Вѣстникъ Европы», 1907, № 1.

Правительственный терроръ. Хроника. «Журн. О-ва русскихъ врачей въ память Пирогова», 1906, № 1.

Преступныя убійства и лишеніе жизни, какъ закономѣрная кара. Изъ общественной жизни «Вѣстникъ Европы», 1908, № 8.

Приведеніе въ исполненіе приговора надъ Петрашевскимъ и др., осужденными по донесеніямъ агентовъ III отд. «Былое», 1907, № 1.

Пѣшехоновъ, А. Хроника внутренней жизни. «Рус. Богат.», 1906, октябрь.

Статистика репрессій. Внутреннее обозрѣніе. «Вѣстн. Европы», 1907, № 11.

Статистика. Постепенное исчезновеніе смертной казни во Франціи, «Русскій Врачъ», т. VII, 1-е полугод., стр. 391, 1908.

Условія, при которыхъ начинается предвыборный періодъ. Внутреннее обозрѣніе. «Вѣстникъ Европы», 1906, № 3.

Число смертныхъ приговоровъ. Хроника. «Русскій Врачъ», 1908, т. VIII, стр. 280, 352, 460. Законопроектъ объ отмѣнѣ, стр. 893.

Число жертвъ освободительнаго движенія. Хроника. «Журн. О-ва русскихъ врачей въ память Пирогова», 1906, № 6.

Чрезвычайная охрана и смертная казнь. Внутреннее обозрѣніе. «Вѣстникъ Европы», 1908, № 8.

Что поддерживаетъ революціонное настроеніе въ обществѣ? Изъ общественной хроники. «Вѣстникъ Европы», 1906, № 2.

Хроника. «Русскій Врачъ», 1908, т. VII, 1-е полугод., стр. 31. Увольненіе д-ра Синаковича за отказъ присутствовать при смертной казни. (Хроника).

Хроника. «Журн. О-ва русскихъ врачей въ память Пирогова. 1907, № 1, 4, 5, 7, 8.

Хроника. «Судебное Обозрѣніе», 1904 г. №№ 10, 14, 21, 23, 27, 36, 47, и 51. 1905, №№ 2, 3, 8, 10, 13, 14, 15, 20, 21, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40 и 41.

Хроника. «Русскій Врачъ», 1905, №№ 36, 41, 43, 46, 47, 49 и 50.

Хроника. «Русскій Врачъ», 1906, №№ 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 23, 25.

Хроника. «Русскій Врачъ», 1907, №№ 6, 8, 10, 11, 22, 32, 33, 37.

Хроника. «Право», 1908, № 1—51. 1905-1907»., 1909 г.

Въ указателѣ не могли быть помѣщены по цензурнымъ условіямъ книги изъятыя изъ обращенія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи 3

Фельдштейнъ Г. С. Противники смертной казни въ русской криминалистической литературѣ второй половины 18 в. въ первой четверти 19 ст. 5

Калмыковъ П. Д. 11

Спасовичъ В. Д. 12

Кистяковскій А. Ф. 14

Колоколовъ Г. Е. 30

Бѣлогрицъ-Котляревскій 32

Сергѣевскій Н. Д. 33

Розинъ Н. Н. 37

Мокринскій С. П. 42

Таганцевъ Н. С. 47

Фойницкій И. Я. 52

Жижиленко А. А. 53

Есиповъ В. В. 61

Люблинскій П. И. 62

Набоковъ В. Д. 68

Киселевъ А. А. 73

Тауберъ Л. Я. 76

Стр.

Піонтковскій А. А. 79
Синицкій Е. Д. 83
Чубинскій М. П. 86
Ширяевъ В. Н. 88
Познышевъ С. В. 89
Ефимовъ Е. Н. 92
Викторскій С. И. 96
Давыдовъ Н. В. 98
Полянскій Н. Н. 101
Духовской М. В. 102
Дриль Д. А. 103
Кузьминъ-Караваевъ В. Д. 104
Фалѣевъ Н. И. 105
Московское Юридическое Общество 106
Русская группа Международнаго Союза криминалистовъ 107
Гернетъ М. Н. 108
Указатель литературы на русскомъ языкѣ по вопросу о смертной казни.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
Н. К. П. О.

382
18